

Школа им. А.М.Горчакова

«Цель поэзии – поэзия».
А.С.Пушкин

«Цель поэзии – поэзия»

Поэтические сборники учеников 7 класса

Чтобы любить и понимать поэтические произведения, надо их читать. И чем больше мы их читаем, тем больше вероятность, что научимся понимать и полюбим. Этой цели – прочитать побольше стихотворений разных поэтов – служит проект «Поэтический сборник», результаты которого представлены в книге. Каждый ученик определил тему, которой посвящен его сборник, нашел стихотворения, написал вступительную статью. Самым интересным, конечно, был поиск стихотворений. В процессе поиска происходило главное: мы читали стихотворения; мы обнаруживали, что не все поэты одинаково нравятся всем читателям, что у каждого из нас постепенно формируются свои предпочтения, что можно встретить стихотворение, которое вдруг тебе очень понравится, и ты не всегда можешь сказать почему, и ты даже не всегда понимаешь, что там написано – завораживает музыка, чувство, отдельные слова...

Предлагаем вашему вниманию книгу, содержащую все сборники, созданные нашими семиклассниками.

Спасибо Александру Станиславовичу Цветкову за техническую помощь в подготовке этой книги.

М.А.Мирзоян

Павловск

2013

«Мой родной, мой земной, мой кружащийся
мир...»

В этом сборнике собраны стихотворения, показывающие состояния природы, в основном – моря и гор. Ведь природа и человек стоят очень близко друг от друга.

Природа на нашей планете очень красива, и это заметили многие поэты, писатели и художники. Поэты писали стихотворения, писатели – описания, художники – пейзажи. Они хотели показать всю внутреннюю и внешнюю красоту природы, её характер. Природа их восхищала своим спокойствием или бурностью, красотой, богатством форм...

Андрей Абрахин

«Мой родной, мой земной,
мой кружащийся мир...»

Поэтический сборник

Составитель Андрей Абрахин

Гаврила Державин

Водопад (отрывок)

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Всё утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны поражены? -
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторжены? -
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? -
Как пыль стекляна ниспадают.

Степан Щипачёв

Урал. Он лег в мою строку
Во всю длину, размашисто и строго.
Он Азиатскому материку
Пришелся каменным порогом.
Железо, никель, каменные руды
Я трону словом, рифму им найду.
Недаром в копиях камень изумрудный
Зеленым глазом смотрит в темноту.
Урал запутает тропую лосьей,
Черникой спелой потчевать начнет,
Блеснет меж сосен речкой Сосьвой,
В теснине речкой Вишерой блеснет.
Он весь пропах лесами, и цветами,
И горьковатым дымом заводским.

Николай Глазков
Река Урал

Это удивительно и странно,
Что она совсем не широка:
Исполняет должность океана
Межконтинентальная река!

Деревянный мостик, мост, мосточек
Оренбуржцам хорошо знаком:
По нему пройти приятно очень
Из Европы в Азию пешком!

Искупаться можно утром летним –
И не надо чемпионом быть,
Чтоб от континента к континенту
Вольным стилем запросто проплыть.

Не имеет важного значенья,
Что пловца при этом отнесёт
Быстрое уральское течение
Метров на пятьсот или шестьсот.

Милая, хорошая, большая.
Вольная казацкая река
И разъединяет и сближает
Дружественных два материка!

Алексей Мишин
Кивач

Где играют пенистые гривы,
Малых пташек
Вечный пересвист, -
Слушал я карельские мотивы,
То,
Что слушал Глинка – декабрист.

Там, где Суна
От зари багрова,
Повстречаться с музою был рад.
Мне, как встарь,
Державинское слово
Повторял гремящий водопад.

Бессловесно,
С нежностью младенца,
Колокольчик голубел у пня.
И глазами
Первых поселенцев
Валуны глядели на меня.

И шептали мне,
Как другу, скалы
О судьбе немыслимо крутой,
Где на камнях
Песни Калевалы¹
Проступали жилкой золотой.

---

¹ Калевала – карельский эпос

Георгий Вяткин
Катунь

Царица рек в немеркнувшей короне,
Рожденная неведомо когда
В снегах вершин, в их непорочном лоне,
Светла Катунь, быстра ее вода.

Меж диких скал в несокрушимой броне,
Под шум лесов, немолкнувший года,
Летят ее бесчисленные кони
И отдыха не знают никогда.

Вспененные, с мятущеюся гривой,
То тяжело, то ласково-игриво,
Сбежав к степям, шумят у берегов.

А там, вверху, там новые родятся,
Вздымаются и прыгают, и мчатся
В алмазах брызг и в пене жемчугов.

Николай Тряпкин
Море

Белая отмель. И камни. И шелест прилива.
Море в полуденном сне с пароходом далёким.
Крикнешь в пространство. Замрёшь. Никакого отзыва.
Сладко, о море, побыть на земле одиноким.

Где-то гагара кричит над пустынею водной.
Редкие сосны прозрачны под северным светом.
Или ты снова пришёл – молодой и безродный –
К тундрам и скалам чужим, к неизвестным заветам?

Что там за тундрой? Леса в синеве бесконечной.
С берега чайки летят на речные излуки.
Снова я – древний Охотник с колчаном заплечным,
Зной комариный в ушах – как звенящие луки.

Что там за морем? Лежат снеговые туманы.
Грезят метели под пологом Звёздного Чума.
Мир вам, земля, и вода, и полные страны,
Вечно сверкающий кряж Ледяного Угрюма!

Сколько веков я к порогу земли прорубался!
Застили свет мне лесные дремучие стены.
Двери открылись. И путь прямо к звёздам начался.
Дайте ж побыть на последней черте Ойкумены!

Мир вам, и солнце, и скалы, и птичьи гнездовья,
Запахов крепкая соль, как в начале творенья!
Всё впереди! А пока лишь – тепло да здоровье,
Чайки, да солнце, да я, да морское свеченье.

Белая отмель. И камни. И шелест прилива.
Море в полуденном сне с пароходом далёким.
Крикнешь в пространство. Замрёшь. Никакого отзыва.
Сладко, о море, побыть на земле одиноким.

Андрей Вознесенский
Озеро

Я ночью проснулся. Мне
кто-то сказал:
"Мертвое море –
священный Байкал".
Я на себе почувствовал
взор,
будто я моря убийца и вор.
Слышу - не спит иркутянин
во мгле.
Курит. И предок проснулся
в земле.
Когда ты болеешь, все мы
больны.
Байкал, ты хрустальная
печень страны!
И кто-то добавил из
глубины:
"Байкал - заповедная
совесть страны".
Плыл я на лодке краем
Байкала.
Вечер подсвечивал
вполнакала.
Но неужели наука
солгала
Над запрокинутым взором
Байкала?
И неужели мы будем
в истории -
"Эти, Байкал загубили
которые?"

Надо вывешивать
бюллетень,
Как себя чувствует омуль,
тюлень.
Это не только отстойников
числа -
Совесть народа должна
быть чистой.
Вот почему, показав
показуху,
Борются наши прорабы
духа,
Чтоб заповедником стало
озеро,
Чтоб его воды не
целлюлозило,
Чтобы никто никогда
не сказал:
"Мертвое море –
священный Байкал".

Николай Сидоренко
Над водопадом Учан-Су

Тишины прозрачное свечение,
Высоты спокойствие, но всё ж
Ты уловишь робкое движенье,
Шёпот, шелест, водяную дрожь.

Ты заметишь первое сомненье
Снеговой неопытной воды
Там, где вниз – тяжёлые ступени,
Времени старинные следы

Владимир Бенедиктов
Вулкан

Нахмуренным челом простерся он высоко
Пятою он земли утробу придавил;
Куруется и молчит, надменный, одинокой,
Мысль огнеметную он в сердце затаил...

Созрела - он вздохнул, и вздох его глубокой
Потряс кору земли и небо помрачил,
И камни, прах и дым разбросаны широко,
И лавы бурный ток окрестность обкатил.

Он - гений естества! И след опустошенья,
Который он простер, жизнь ярче осветит.
Смирись - ты не постиг природы назначенья!

Так в человечестве бич - гений зашумит -
Толпа его клянёт средь дикого смятенья,
А он, свирепствуя, - земле благодворит.

Природа

Повсюду прелести, повсюду блещут краски!
Для всех природы длань исполнена даров.
Зачем же к красоте бесчувственно - сурово
Ты жаждешь тайн ее неистойвой огласки?

Смотри на дивную, пей девственные ласки;
Но целомудренно храни ее покров!
Насильственно не рви божественных узлов,
Не мысли отпахнуть божественной повязки!

Доступен ли тебе ее иероглиф¹?
Небесные лучи волшебным преломив,
Раскрыла ли его обманчивая призма?

Есть сердце у тебя: пади, благоговей,
И бойся исказить догадкою твоей
Запретные красы святого мистицизма!

---

¹ Иероглиф

Александр Пушкин
Обвал

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терек могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои берега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал.
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиранный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Дон

Блещет среди полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чужую родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

Евгений Баратынский
Водопад

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет Аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодой ревучей
Твой рев мятежный соглашон.

Зачем, с безумным ожиданьем,
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

Гаврила Державин
Водомет

Луч шумящий, водометный,
Свыше сыплюща роса!
Где в тени в день знойный, летний,
Совершенная краса,
Раскидав по дерну члены
И сквозясь меж струй, ветвей,
Сном объята, в виде пены,
Взгляд влекла души моей;
Где на зыблющу склонялись
Лилии блестящу грудь,
Зарьных розы уст касались
И желали к ним прильнуть;
Воздух свежестью своею
Ей спешил благоухать;
Травки, смятые под нею,
Не хотели восставать;
Где я очи голубые
Небесам подобны зрел,
С коих стрелы огневые
В грудь бросал мне злобный Лель.
О места, места священные!
Хоть лишен я вас судьбой,
Но прелестны вы, волшебны
И столь милы мне собой,
Что поднесь о вас вздыхаю
И забыть никак не мог,
С жалобой напоминаю:
Мой последний слышите вздох.

Семён Кирсанов
Этот мир

Мой родной, мой земной,
мой кружащийся шар!
Солнце в жарких руках,
наклонясь, как гончар,

вертит влажную глину,
с любовью лепя,
округляя, лаская,
рождая тебя.

Керамической печью
космических бурь
обжигает бока
и наводит глазурь,

наливает в тебя
голубые моря,
и где надо,- закат,
и где надо,- заря,

И когда ты отделан
и весь обожжен,
солнце чудо свое
обмывает дождем

и отходит за воздух
и за облака
посмотреть на творение
издалека.

Ни отнять, ни прибавить
такая краса!

До чего ж этот шар
гончару удался!

Он, руками лучей
сквозь туманы света,
дарит нам свое чудо:
- Бери, мол, дитя!

Дорожи, не разбей:
на гончарном кругу
я удачи такой
повторить не смогу!

“Тихая моя родина”

Поэтический сборник

Составитель Матвей Бурлака

К читателю

Дорогой читатель, открывая этот сборник, задумайся, что ты хочешь тут увидеть. Я скажу тебе, что ты увидишь. Ты увидишь стихи. Стихи про Россию как родину самых разных поэтов. Почему именно поэтов? Потому что, как я думаю, поэты как никто другой могут высказать свое мнение. Может быть, кому-то это будет не понятно, но я надеюсь, что вы поймете. Также я предлагаю вам не менее интересную тему – “Для себя”. Многие поэты писали советы, как себе, так и другим. Почитайте, может, вам понравится.

Почему я выбрал именно Россию? Наверно, потому что я хотел показать, какими разными могут быть мнения о России. Очень большое количество стихов русских поэтов написано именно про Россию. Это уже говорит о том, что Россия (как и любая другая родина) имеет очень большое значение для человека.

В сборник вошли стихотворения Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова, Н.М. Рубцова, Н.М. Карамзина, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, В.Я. Брюсова.

Матвей Бурлака

Фёдор Иванович Тютчев
(1803 – 1873)

***

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814 – 1841)

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Бородино

- Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

- Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри - не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
"Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?"

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки -
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
"Пора добратся до картечи!"
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
"Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте же под Москвой,
Как наши братья умирали!"

И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нам,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась - как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны -
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри - не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Война

Зажглась, друзья мои, война,
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венки небренной славы!

Николай Михайлович Рубцов
(1936 - 1971)

Тихая моя родина

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

- Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.-
Тихо ответили жители:
- Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать -
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

“Для себя”

Николай Михайлович Карамзин
(1766 – 1826)

К самому себе

Прости, надежда!.. и навек!
Исчезло всё, что сердцу льстило,
Душе моей казалось мило;
Исчезло! Слабый человек!
Что хочешь делать? Обливаться
Рекою горьких, тщетных слез?
Стенать во прахе и терзаться?..
Что пользы? Рока и небес
Не тронешь ты своей тоскою
И будешь жалок лишь себе!
Нет, лучше докажи судьбе,
Что можешь быть велик душою,
Спокоен вопреки всему.
Чего робеть? ты сам с собою!
Прибегни к сердцу своему:
Оно твой друг, твоя отрада,
За все несчастья награда –
Ещё ты в свете не один!
Ещё ты мира гражданин!..
Смотри, как солнце над тобою
Сияет славой, красотою;
Как ясен, чист небесный свод;
Как мирно, тихо всё в природе!
Зефир струит зеркало вод,
И птички в радостной свободе
Поют: «Будь весел, улыбнись!»
Поют тебе согласным хором.
А ты стоишь с унылым взором,
С душою мрачной?.. Ободришь

И вспомни, что бывал ты прежде,
Как мудрым в чувствах подражал,
Сократа сердцем обожал,
С Катонем смерть любил, в надежде
Носить бессмертия венец.
Житейских радостей конец
Да будет для тебя началом
Геройской твёрдости в душе!
Язвимый лютых бедствий жалом,
Забвенный в тёмном шалаше
Всем светом, ложными друзьями,
Умей спокойными очами
На мир обманчивый взирать,
Несчастье с счастьем презирать!

Я столько лет мечтой пленялся,
Хотел блаженства, восхищался!..
В минуту всё покрылось тьмой,
И я остался лишь с тоской!

Так некий зодчий, созидая
Огромный, велелепный храм
На диво будущим векам,
Гордился духом, помышляя
О славе дела своего;
Но вдруг огромный храм трясется,
Падет... упал... и нет его!..
Что ж бедный зодчий? Он клянётся
Не строить впредь, беспечно жить...
А я клянуся... не любить!

Гавриил Романович Державин
(1743 –1816)

К самому себе

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают, —
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде чорт, —
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть и пить и спать:
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подъячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой Музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814 –1841)

Не верь себе

*Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?
A. Barbier³*

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Отрыть в душе, давно безмолвной,
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закра́дется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой —

³ Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих шарлатанов, торговцев пафосом, мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе? *О. Барбье* (фр.).

Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной,
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным...

Александр Сергеевич Пушкин
(1799 – 1837)

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Валерий Яковлевич Брюсов
(1873 - 1924)

К самому себе

Я желал бы рекой извиваться
По широким и сочным лугам,
В камышах незаметно теряться,
Улыбаться небесным огням.

Обогнув стародавние села,
Подремав у лесистых холмов,
Раскатиться дорогой веселой
К молодой суете городов.

И, подняв пароходы и барки,
Испытав и забавы и труд,
Эти волны, свободны и ярки,
В бесконечный простор потекут.

Но боюсь, что в соленом просторе —
Только сон, только сон бытия!
Я хочу и по смерти и в море
Сознавать свое вольное «я»!

«Но что за чудное явление?»

Поэтический сборник

Составитель Дмитрий Вайс

«Но что за чудное явление?»

В моем сборнике представлены стихотворения о животных. Читая сборник, вы ощутите и услышите злобный хохот гиен, соловьиное пение и многое другое.

Уже умолкала лесная капелла.
Едва открывал свое горлышко чирик.
В коронке листов соловьиное тело
Одно, не смолкая, над миром звенело.

Н.Заболоцкий «Соловей»

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы,
И яростны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

Н.Гумилев «Гиена»

При создании сборника было трудно отбирать такие стихотворения, которые передавали бы атмосферу и эмоции того или иного животного. Кроме этого, было достаточно сложно расположить стихотворения в нужном порядке и по смыслу, чтобы за одним стихотворением, например, про лесную кукушку не следовало стихотворение про животных в Африке.

Я хочу отметить стихотворение Николая Алексеевича Заболоцкого «Журавли». Оно мне нравится, потому что в нем показано как человек может разрушать животный мир. Если бы человек заботился о животных и не уничтожал их, мир бы процветал и был бы более разнообразным.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось
Луч огня ударил в сердце птичьё,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Дмитрий Вайс

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903-1958)

Журавли

Вылетев из Африки в апреле
 К берегам отеческой земли,
 Длинным треугольником летели,
 Утопая в небе, журавли.
 Вытянув серебряные крылья
 Через весь широкий небосвод,
 Вел вожак в долину изобилья
 Свой немногочисленный народ.
 Но когда под крыльями блеснуло
 Озеро, прозрачное насквозь,
 Черное зияющее дуло
 Из кустов навстречу поднялось.
 Луч огня ударил в сердце птичьё,
 Быстрый пламень вспыхнул и погас,
 И частица дивного величья
 С высоты обрушилась на нас.
 Два крыла, как два огромных горя,
 Обняли холодную волну,
 И, рыданию горестному вторя,
 Журавли рванулись в вышину.
 Только там, где движутся светила,
 В искупленье собственного зла
 Им природа снова возвратила
 То, что смерть с собою унесла:
 Гордый дух, высокое стремленье,
 Волю непреклонную к борьбе -
 Все, что от былого поколенья
 Переходит, молодость, к тебе.
 А вожак в рубашке из металла
 Погружался медленно на дно,
 И заря над ним образовала
 Золотого зарева пятно

1948

Лебедь в зоопарке

Сквозь летние сумерки парка
 По краю искусственных вод
 Красавица, дева, дикарка —
 Высокая лебедь плывет.
 Плывет белоснежное диво,
 Животное, полное грез,
 Колебя на лоне залива
 Лиловые тени берез.
 Головка ее шелковиста,
 И мантия снега белей,
 И дивные два аметиста
 Мерцают в глазницах у ней.
 И светлое льется сиянье;
 Над белым изгибом спины,
 И вся она как изваянье
 Приподнятой к небу волны.
 Скрежещут над парком трамвая,
 Скрипит под машинами мост,
 Истошно кричат попугаи,
 Поджав перламутровый хвост.
 И звери сидят в отдаленье,
 Приделаны к выступам нор,
 И смотрят фигуры олени
 На воду сквозь тонкий забор.
 И вся мировая столица,
 Весь город, сверкающий наш,
 Над маленьким парком теснится,
 Этаж громоздя на этаж.
 И слышит, как в сказочном мире
 У самого края стены
 Крылатое диво на лире
 Поет нам о счастье весны.

ЛАСТОЧКА

Славно ласточка щебечет,
Ловко крыльями стрижет,
Всем ветрам она перечит,
Но и силы бережет.
Реет верхом, реет низом,
Догоняет комара
И в избушке под карнизом
Отдыхает до утра.
Удивлен ее повадкой,
Устремляюсь я в зенит,
И душа моя касаткой
В отдаленный край летит.
Реет, плачет, словно птица,
В заколдованном краю,
Слабым клювиком стучится
В душу бедную твою.
Но душа твоя угасла,
На дверях висит замок.
Догорело в лампе масло,
И не светит фитилек.
Горько ласточка рыдает
И не знает, как помочь,
И с кладбища улетает
В заколдованную ночь.

1958

Афанасий Афанасьевич Фет
(1820 – 1892)

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила -
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, -
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

1884

КУКУШКА

Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то вдали от опушки
Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце!— вот утро — любви же
Все, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе,
Как золотое,— ку-ку.

Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздается трикраты
Ясно и томно: ку-ку.
17 мая 1886 года

БАБОЧКА (1884)

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем -
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот - дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

Илличевский Алексей Дамианович (1798 – 1837)**Коршун и голубь**

Злой Коршун Голубя клевал
И приговаривал: «Негодный!
Вы все мои враги по злости вам природной,
Вот я тебя поймал:
Есть боги-мстители!» — О если б! — Голубочек
Чуть жив проворковал.
«О если бы? так ты еще, дружок,
Безбожник! Не прощу ж, вперед богов ты знай,
Умри и на себя пеняй»
1827

Орел и человек

С подоблачной вершины гор
Орел под своды неба вьется,
Вперив на солнце смелый взор,
Громам и молниям смеется;
А человек, сей царь земли,
В ничтожестве своем тщеславный,
Мечтает быть с богами равный
И пресмыкается в пыли.
1827

Сурок и человек

Сурок, известно, спит полгода,
Над ним смеялся Человек:
«Когда вся бодрствует природа,
Не стыдно ль спать тебе весь век?»
Сурок в ответ: «Я сплю, конечно,
А ты все занят, скажешь мне?
Но, за мечтой гоняясь вечно,
И ты не так же ль век во сне?»
1827

Державин Гавриил Романович (1743 – 1816)

Пчелка

Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Всё вокруг летая,
 Прочь не летишь?
 Или ты любишь
 Лизу мою?
 Соты ль душисты
 В желтых власах,
 Розы ль огнисты
 В алых устах,
 Сахар ли белый
 Грудь у нее?
 Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Слышу, вздыхая,
 Мне говоришь:
 К меду прилипнув,
 С ним и умру.
 1796

Павлин

Какое гордое творенье,
 Хвост пышно расширяя свой,
 Черно-зелены в искрах перья
 Со рассыпную бахромой
 Позады чешуйной груди кажет,
 Как некий круглый, дивный щит?
 Лазурно-сизы-бирюзовы
 На каждого конце пера,
 Тенисты круги, волны новы
 Струиста золота и серебра:
 Наклонит — изумруды блещут!
 Повернет — яхонты горят!
 Не то ли славный царь пернатый?
 Не то ли райска птица Жар,
 Которой столь убор богатый
 Приводит в удивленье тварь?
 Где ступит — радуги играют!
 Где станет — там лучи вокруг!
 Конечно, сила и паренье
 Орлиные в ее крылах,
 Глас трубный, лебедино пенье
 В ее пресладостных устах;
 А пеликана добродетель
 В ее и сердце и душе!
 Но что за чудное явление?
 Я слышу некий странный визг!
 Сей Феникс опустил вдруг перья,
 Увидя гнусность ног своих. —
 О пышность! как ты ослепляешь!
 И барин без ума — павлин.

Федор Иванович Тютчев (1803 – 1873)

Лебедь

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.
Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего –
И чистой, как ты сам, одею
Тебя стихией божество.
Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон –
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.
1838 – 1839

Иван Сергеевич Тургенев (1818 – 1883)

Собака

Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воет страшная,
неистовая буря.

Собака сидит передо мною - и смотрит мне прямо в глаза. И
я тоже гляжу ей в глаза.

Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без
слов, она сама себя не понимает -но я ее понимаю.

Я понимаю, что в это мгновение и в ней и во мне живет одно
и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы
торжественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный
огонек.

Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким
крылом...

И конец!

Кто потом разберет, какой именно в каждом из нас горел
огонек?

Нет! это не животное и не человек меняются взглядами...

Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга.

И в каждой из этих пар, в животном и в человеке - одна и та
же жизнь жметя пугливо к другой.

Февраль 1878

Воробей

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой - и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тельце трепетало от ужаса, голос одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса - и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

1879

Матвеева Новелла Николаевна (род. 1934)**Попугай**

По клетке, шкафами задвинутой,
Где книги в пыли вековой,
Взъерошенный, всеми покинутый,
Он бегаёт вниз головой.
Чудак с потускневшими перьями!
Чудит, а под веками - грусть.
Язык истребленного племени
Он знает почти наизусть.
Язык, за которым ученые
Спускаются в недра веков,
Где спят города, занесенные
Золой раскаленных песков...
Язык, что плетью виноградными
Петляет по плитам гробниц
И хвостиками непонятными
Виляет с разбитых таблиц.
Прекрасный язык - но забылся он,
Забылся, навеки уснув.
Огромный - но весь поместился он,
Как семечко, в маленький клюв.
Привык попугай разбазаривать
Бесценную ношу в тоске,
С собою самим разговаривать
На умершем языке,
В кольце кувыряться стремительно,
Вниманья не видя ни в ком,
И сверху смотреть снисходительно,
Когда назовут дураком.

АКУЛА

Акула быстрая, с бездушной парой глаз -
Идея голода без мантий и прикрас!
С полуразинутым, как при вдыханье мухи,
Ртом-полумесяцем, прорезанным на брюхе,
Ртом, перевернутым тоской, концами вниз...

Промозгла и сыра, как мраморный карниз.
Но преисполнена убийственного пыла,
Тяжеловесная как скачущее мыло,-
Неутолимая акула южных вод!

В огромный мир морей ты заслонила вход.
Секуще проносясь над полушарьем ярким,
Ты строишь из прыжков зеркальных арки, арки...
Из блеска - без конца ворота создаешь,
Но ни в одни из них проникнуть не даешь.

Чтоб, выбившись из сил, мы крикнули: "Природа -
Храм в тысячу дверей без выхода и входа"?
Но мерзко хлопанье скачков твоих: ты лжешь!

1998.

Аполлон Николаевич Майков (1821 – 1897)**Ласточки**

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...
Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.
Взгляну ль по привычке под крышу
Пустое гнездо над окном:
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем...
А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!
Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!
И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!
И вот - их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне -
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!
1856

*****

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как, февраль, не злился,
Как ты, март, не хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик -
Все весною пахнет!
1858

Николай Гумилев (1886 – 1921)

Гиена

Над тростником медлительного Нила,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.
Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.
Её стенанья яростны и грубы,
Её глаза зловещи и унылы,
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.
"Смотри, луна, влюблённая в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.
Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками,
Не правда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?
В ней билось сердце, полное изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови".
По деревням собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи
За длинные безжалостные плети.
1908

Школа имени А.М.Горчакова

«И идут пастух и рыбарь за искателем небес»

Поэтический сборник

Составитель Пётр Иванов

«И идут пастух и рыбарь за искателем небес»

В 988 году Русь крестилась. И стала православной и продолжает быть таковой и сейчас. Конечно же, вера повлияла на творчество многих поэтов. Некоторые поэты, такие как Гумилёв, продолжали верить и писать о Боге и о том, что он создал, даже после революции, когда, казалось бы, Бога забыли.

Эта тема важна для всех – в той или иной степени. Ведь вся жизнь нашего народа, нашей страны зависела от веры. Много исторических событий происходило из-за веры. Наши предки боролись за свою веру. И пронесли её через века.

Но сами стихи, может быть, лучше говорят об отношении к Богу и к миру, который он создал.

В сборник вошли стихотворения Г.Р.Державина, В.А.Жуковского, М.А.Волошина, Н. Гумилёва, И.Бунина, А.Тарковского, А.Ахматовой, П.А.Вяземского, Ф.Тютчева, С.Есенина, М.Ломоносова.

Пётр Иванов

Г.Р.Державин

Бог

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движении вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,

Составитель Петр Иванов

Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнца от тебя роятся;
Как в мразный, ясный день зимой

Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как ночь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,

Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Ты есть! — природы чин вещает.
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,

Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1784

Признание

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид:
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел.
Не собой блистал я — Богом;
Вне себя я Бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моя царям,-
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождам,-
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным

Смел я правду брякнуть в слух,-
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен,-
Признаюся, красотой
Быв плененным, пел и жен.
Словом, жег любви копь пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807

В.А.Жуковский

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам;
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

Составитель Петр Иванов

М.А.Волошин

Святая Русь

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко -
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой да силой бранной
Не была ль ты самою желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любы -
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог.

Быть царицей ты не захотела -
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развей да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть - холопам, силу - супостатам,
Смердам - честь, изменникам - ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, -
Ты – бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

19 ноября 1917

Родина

И каждый прочь побрел, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем.

Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон – твоя
Мечта в страданиях изжитая
И неосуществленная...

Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба –
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии – в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И правды воспринять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы

Составитель Петр Иванов

Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

30 мая 1918

Русь глухонемая

Был к Иисусу приведён
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
— «Изыди, дух глухонемой!» —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал:
«Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украва твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и в воду,
О камни бьёт и гонит в лес.
И вот зываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Куёт постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!».

Николай Гумилёв

Христос

Он идет путем жемчужным
По садам береговым.
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

"Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши.

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, –
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отраднo будет Сыну
В Доме Нежного Отца".

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

Составитель Петр Иванов

Из логова Змиева

Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал – забавницу,
Гадал – своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться.

Твержу ей: крещенному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору;
Снеси-ка истому ты
В днепровские омуты,
На грешную Лысую гору.

Молчит – только ежится,
И все ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрытую,
Над очастью, богом заклую.

Рай

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Коллоквиум с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведаст о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.

Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста
Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,
В немировой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменования нам даны.

Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лёд,
И адский огонь слеза моя зальет.

Перед тобою темный серафим
Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Составитель Петр Иванов

Арсений Тарковский

* * *

Влажной землей из окна потянуло,
Уксусной прелью хмельнее вина;
Мать подошла и в окно заглянула,
И потянуло землей из окна.

– В зимней истоме у матери в доме
Спи, как ржаное зерно в черноземе,
И не заботься о смертном конце.

– Без сновидений, как Лазарь во гробе,
Спи до весны в материнской утробе,
Выйдешь из гроба в зеленом венце.

И.Бунин

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
"Был ли счастлив ты в жизни земной?"

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

А.Ахматова

***

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

П.А.Вяземский

Русский бог

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций - тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог грудей и ... отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бог в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он, русский бог.

К глупым полон благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский бог.
1828

Ф.Тютчев

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа -
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.
13 августа 1855

Составитель Петр Иванов

С.Есенин

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церкви пред затворами древними
Поклонялись пречистому Спасу.

Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
"Все единому служим мы господу,
Возлагая вериги на плечи".

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
"Девки, в пляску! Идут скоморохи!"

1910

М.В.Ломоносов

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 143

Благословен господь мой Бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.
Заступник и Спаситель мой,
Покров, и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.
О Боже, что есть человек?
Что Ты ему себя являешь,
И так его Ты почитаешь,
Которого толь краток век.
Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.
Склони, Зиждитель, небеса,
Коснись горам, и воздымятся,
Да паки на земли явятся
Твои ужасны чудеса.
И молнией Твоей блесни,
Рази от стран гремящих стрелы,
Рассыпь врагов Твоих пределы,
Как бурей плевры разжени.
Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой,
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.
Вещает ложь язык врагов,
Десница их сильна враждою,

Составитель Петр Иванов

Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.
Но я, о Боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн Тебе согласно
Псалмы и песни приношу.
Тебе, Спасителю царей,
Что крепостью меня прославил,
От лютого меча избавил,
Что враг вознес рукой своей.
Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти,
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук.
Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают,
Одеждой дщери их блистают,
Как золотом испещренный храм.
Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада в траве волов толстых.
Цела обширность крепких стен,
Везде столпами укрепленных,
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.
Счастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым вышний сам покров.

Вторая половина 1743

Школа им. А.М. Горчакова

«Пойми земли меняющийся вид...»

Поэтический сборник

Составитель Олег Ким

«Пойми земли меняющийся вид...»

Мой поэтический сборник посвящен стихотворениям о разных городах и странах. Это очень интересно, ведь если человек не был где-либо, то он сможет прочесть впечатления, мысли тех или иных поэтов, написанные в *стихах*, а это совсем не то, что написано в прозе. У каждого поэта свои ощущения, каждый воспринимает город или страну по-своему. Именно поэтому я выбрал некоторые стихотворения об одной и той же стране или городе (Греция, Венеция, Рим), но написанные разными поэтами. Например, С.А.Есенин, описывая Грецию, рассказывает о её мифических героях, а А.А. Фет пишет о природе, о культуре этой страны. А.А. Блок показывает Венецию, описывая уснувший город, его здания, каналы и думая о чем-то своем, а Ф.И.Тютчев описывает счастливое прошлое Венеции и чуть менее счастливое настоящее. В мой сборник вошли стихотворения С.А. Есенина, Б.Л. Пастернака, А.А. Тарковского, М.А. Волошина, А.А. Фета, В.В. Маяковского, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока и О.Э. Мандельштама.

Олег Ким

Павловск
2013

Сергей Александрович Есенин
1895 – 1925

Греция

Могучий Ахиллес громил твердыни Трои.
Блистательный Патрокл сраженный умирал.
А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие левкой.

Над прахом горестно слетались с плачем сои,
И лунный серп сеть туник прорывал.
Усталый Ахиллес на землю припадал,
Он нес убитого в родимые покои.

Ах, Греция! мечта души моей!
Ты сказка нежная, но я к тебе нежней,
Нежней, чем к Гектору, герою, Андромаха¹.

Возьми свой меч. Будь Сербии сестрою.
Напомни миру сгинувшую Трою,
И для вандалов пусть чернеют меч и плаха.

¹ Патрокл, Ахиллес, Гектор и Андромаха – герои поэмы Гомера «Илиада»

Польша

Над Польшей облако кровавое повисло,
И капли красные сжигают города.
Но светит в зареве былых веков звезда.
Под розовой волной, вздымаясь, плачет Висла¹.

В кольце времен с одним оттенком смысла
К весам войны подходят все года.
И победителю за стяг его труда
Сам враг кладет цветы на чашки коромысла.

О Польша, светлый сон в сырой тюрьме Костюшки,
Невольница в осколках ореола.
Я вижу: твой Мицкевич² заряжает пушки.

Ты мощною рукой сеть плена распорола.
Пускай горят родных краев опушки,
Но слышен звон побед к молебствию костела.

¹ Наиболее важная и протяжённая река Польши

² Мицкевич Адам – польский поэт

Борис Леонидович Пастернак
1890 – 1960

* * *

Пока мы по Кавказу лазаем,
И в задыхающейся раме
Кура¹ ползет атакой газовой
К Арагве², сдавленной горами,
И в августовский свод из мрамора,
Как обезглавленных гортани,
Заносят яблоки адамовы
Казненных замков очертанья.

Пока я голову заламываю,
Следя, как шеи укреплений
Плывут по синеве сиреневой
И тонут в бездне поколений,
Пока, сменяя рощи вязовые,
Курчавится лесная мелочь,
Что шепчешь ты, что мне подсказываешь, —
Кавказ, Кавказ, о что мне делать!

Объятье в тысячу охватов,
Чем обеспечен твой успех?
Здоровый глаз за веко спрятав,
Над чем смеешься ты, Казбек?

Когда от высей сердце екает
И гор колышутся катила,
Ты думаешь, моя далекая,
Что чем-то мне не угодила.

---

¹ Кура – река в Закавказье

² Арагва – река в Восточной Грузии, приток Куры

И там, у Альп в дали Германии,
Где так же чокаются скалы,
Но отклики еще туманнее,
Ты думаешь, — ты оплошала?

Я брошен в жизнь, в потоке дней
Катящую потоки рода,
И мне кроить свою трудней,
Чем резать ножницами воду.

Не бойся снов, не мучься, брось.
Люблю и думаю и знаю.
Смотри: и рек не мыслит врозь
Существованья ткань сквозная.

Андрей Арсеньевич Тарковский
1907 – 1989

Колорадо (Из Дж. Хоста)

Какой ни мерещится сон,
А всё-таки сердце не радо,
Пока не приснится каньон
Далёкой реки Колорадо.

Мне глиняных этих колонн
И каменных срывов не надо,
А всё же – приснишь мне каньон
Реки Колорадо!

Когда обрывается он,
Мой сон о реке Колорадо,
Мне жаль, что прервался мой сон,
Будить меня лучше не надо,
Быть может, мне снится каньон.

Подумаешь, тоже отрада -
В младенчестве виденный сон:
Глубокий, безлюдный каньон
Далёкой реки Колорадо!

Максимилиан Александрович Волошин
1877 – 1932

Европа (В.Л. Рюминой)

Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышащий, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струящийся, как жидкий хрисолит,
Он говорил, указывая тростью:

Пойми земли меняющийся вид:
Материков живые сочетанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.
И вот она – подобная кораллу,
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов,
Здесь вздутая, там сдавленная узко,
В парче лесов и в панцире хребтов,
Жемчужница огромного моллюска,
Атлантикой рожденная из пен –
Опаснейшая из морских сирен.
Страстей ее горючие сплетенья
Мерцают звездами на токах вод –
Извилистых и сложных, как растенья.
Она водами дышит и живет.
Ее провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке,
И девушкой, лежащей на быке.

Полярным льдам уста ее открыты,
 У пояса, среди сапфирных влаг,
 Как пчельный рой у чресел Афродиты¹,
 Раскинул острова Архипелаг.
 Сюда ведут страстных желаний тропы,
 Здесь матерние органы Европы,
 Здесь, жгучие дрожанья затая, –
 В глубоких влуминах укрытая стихия,
 Чувствовалище и похотник ея, –
 Безумила народы Византия.

И здесь, как муж, поял ее Ислам:
 Воль Азии вершитель и предстатель –
 Сквозь Бычий Ход Махмут-завоеватель²
 Проник к ее заветным берегам.
 И зачала и понесла во чреве
 Русь – третий Рим – слепой и страстный плод:
 Да зачатое в пламени и в гневе
 Собой восток и запад сопряжет!

Но, роковым охвачен нетерпеньем,
 Всё искажил неистовый Хирург,
 Что кесаревым вылушил сеченьем
 Незрелый плод Славянства – Петербург.
 Пойми великое предназначенье
 Славянством затаенного огня:
 В нем брезжит солнце завтрашнего дня,
 И крест его – всемирное служенье.
 Двойным путем ведет его судьба –
 Она и в имени его двуглава:
 Пусть SCLAVUS – раб, но Славия есть СЛАВА:
 Победный нимб над головой раба!
 В тисках войны сейчас еще томится

¹ Афродита – древнегреческая богиня любви и красоты

² Мехмед II – османский султан

Всё, что живет, и всё, что будет жить:
 Как солнца бег нельзя предотвратить –
 Зачатое не может не родиться.
 В крушеньях царств, в самосожженьях зла
 Душа народов ширилась и крепла:
 России нет – она себя сожгла,
 Но Славия воссветится из пепла!

Афанасий Афанасьевич Фет
 1820 – 1892

Греция

Там, под оливами, близ шумного каскада,
 Где сочная трава унижена росой,
 Где радостно кричит веселая цикада
 И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял свой купол белый
 И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, –
 Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
 Рука невежества забвением клеймит.

Вотще... В полночь, как соловей восточный
 Свистал, а я бродил незримый за стеной,
 Я видел: грации сбিরались в час урочный
 В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини не блистали
 Молочной пеной форм при золотой луне;
 Нет, – ставши в тесный круг, красавицы шептали...
 «Эллада¹!» – слышалось мне часто в тишине.

* * *

Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна.

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо,
Под шум ей грезится иной, далекий край;
Так древле дикий скиф среди праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.

О боже, перед кем везде страдания наши
Как звезды по небу полному горят,
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд!

Владимир Владимирович Маяковский
1893 – 1930

Испания

Ты – я думал –
райский сад.

Ложь
подпивших бардов.

Нет –
живьем я вижу

склад

«ЛЕОПОЛЬДО ПАРДО».

Из прилипших к скалам сёл
опустясь с опаской,
чистокровнейший осёл
шпарит по-испански.
Всё плебейство выбив вон,

в шляпы влезла по́ нос.
Стал
простецкий
«телефон»

гордым
«телефонос».

Чернь волос
в цветах горит.

Щеки в шаль орамив,
сотня с лишним
сеньорит

машет веерами.

От медуз
воде синё.

Глуби –
вёрсты мера.

Из товарищей
«сеньор»

стал
и «кабальеро».

Кастаньеты гонят сонь.

Визги...
пенье...
страсти!

А на что мне это все?
Как собаке – здрасьте!

Федор Иванович Тютчев
1803 – 1873

Венеция

Дождь Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой¹ своей.

И недаром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы),
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...

И чета в любви и мире
Много славы нажила –
Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от львиного крыла.

А теперь? В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, –
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

---

¹ Адриатическое море

Рим ночью

В Ночи лазурной почивает Рим...
Взошла Луна и — овладела им,
И спящий Град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Все тот же мир, волшебный, но отживший!..

Александр Александрович Блок
1880 – 1921

Венеция (2)

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугуновой,
Гиганты бьют полночный час.
Марк¹ утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея²
С моей кровавой головой.

Всё спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

¹ Апостол Марк, один из четырех евангелистов

² Саломея – иудейская царевна

Осип Эмильевич Мандельштам
1891 – 1938

Рим

Поговорим о Риме — дивный град!
Он утвердился купола победой.
Послушаем апостольское credo:
Несется пыль, и радуги висят.

На Авентине¹ вечно ждут царя —
Двунадесятых праздников кануны,—
И строго-канонические луны —
Двенадцать слуг его календаря.

На дольний мир глядит сквозь облак хмурый
Над Форумом огромная луна,
И голова моя обнажена —
О, холод католической тонзуры!

¹ Авентин – один из семи холмов Рима

«Есть милая страна, есть угол на земле...»

Поэтический сборник

Составитель Даниил Киселев

«Есть милая страна, есть угол на земле...»

Любовь к Родине – то чувство, которое присутствует у каждого человека в душе. Где бы он ни был, в его душе все равно есть воспоминания о родном доме, о родном городе, о родной стране. Он может забыть многое, но Родину забыть невозможно! Многие русские и зарубежные поэты писали стихотворения о Родине.

В сборник включены стихотворения Баратынского, Тютчева, Лермонтова, Фета, Бальмонта, Бунина, Брюсова, Белого, Блока, Асеева, Ахматовой, Цветаевой и Есенина.

Приятного вам чтения!!!

Даниил Киселев

Е. А. Баратынский
(1800-1844)

Есть милая страна, есть угол на земле,
Куда, где б ни были - средь буйственного стана,
В садах Армидиных, на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана, -
Всегда уносимся мы думою своей;
Где, чужды низменных страстей,
Житейским подвигам предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть когда-нибудь
И вежды старые сомкнуть
Последним, вечным сном желаем.

Я помню ясный, чистый пруд;
Над сению берез ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж рощ своих волнистых,
За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
А там счастливый дом... туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой!
Там сердце томное, больное обрело
Ответ на все, что в нем горело,
И снова для любви, для дружбы расцвело
И счастье вновь уразумело.
Зачем же томный вздох и слезы на глазах?
Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она, которой нет, мелькнула предо мною.
Почий, почий легко под дерном гробовым:
Воспоминанием живым
Не разлучимся мы с тобою!
Мы плачем... но прости! Печаль любви сладка.
Отрадны слезы сожаленья!
Не то холодная, суровая тоска,
Сухая скорбь разуверенья.

А. А. Фет
(1820-1892)

Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
И ветром их вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.

А. А. Ахматова
(1889-1966)

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно - своею.

Ф. И. Тютчев
(1803-1873)

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Ф. И. Тютчев
(1803-1873)

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

М. Ю. Лермонтов
(1814-1841)

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий серебристый
И для страны порочной - слишком чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.

М. Ю. Лермонтов
(1814-1841)

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Н. Н. Асеев
(1889-1963)

Три года гневалась весна,
три года грохотали пушки,
и вот - в России не узнать
пера и голоса кукушки.

Заводы весен, песен, дней,
отрите каменные слезы:
в России - вора голодней
земные груди гложет озимь.

Россия - лен, Россия - синь,
Россия - брошенный ребенок,
Россию, сердце, возноси
руками песен забубенных.

Теперь там зори поднял май,
теперь там груды черных пашен,
теперь там - голос подымай,
и мир другой тебе не страшен.

Теперь там мчатся ковыли,
и говор голубей развешан,
и ветер пену шевелит
восторгом взмыленных черешен.

Заводы, слушайте меня -
готовьте пламенные косы:
в России всходят зелена
и бредят бременем покоса!

А. А. Блок
(1880-1921)

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, -
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, -
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одно заботой боле -
Одной слезой река шумней
А ты все та же - лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

С. А. Есенин
(1892-1925)

Тебе одной плету венки,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,

Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся - далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.
Цветет болотная купель,
Куга зовет к вечерне длительной,
И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.
И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты - смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.

И. А. Бунин
(1870-1953)

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей -
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

А. Белый
(1880-1934)

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле - неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля -
Посылает нам крик: "Умирай -

Как и все умирают..." Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: -
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой -
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

М. И. Цветаева
(1892-1941)

О, неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Но и с калужского холма
Мне открывалася она —
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!» Со всех — до горних звезд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь, —
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

В. Я. Брюсов
(1873-1924)

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь, -
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь!

Россия! в злые дни Батыя
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингис-хановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра, -
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, -
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам - лишь вершить, что ты решила,
Нам - быть с тобой, нам - славословить
Твое величие в веках!

К. Д. Бальмонт
(1867-1942)

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день,

Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжелой скорби,
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак, -
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

«Досадно мне, коль слово "честь" забыто...»

Поэтический сборник

Составитель Николай Козловский

«Досадно мне, коль слово «честь» забыто...».

Достоинство – одно из главных качеств человека. Имея достоинство, человек по крайней мере уважает самого себя, он не будет совершать низкие поступки, он не побоится никого и ничего, у него всегда будет своя точка зрения, которую он будет отстаивать. Он не будет унижаться, льстить, подличать.

К сожалению, достоинство порождает одиночество, общество не понимает его, но уважающий себя человек не станет подстраиваться под общество, если что-то ему не нравится в нем. Поэтому такой человек независим от общества. В моем сборнике эти два качества: достоинство и независимость – связаны воедино.

Лично для меня достоинство и независимость очень важны, я считаю их чуть ли не самыми главными качествами человека.

Но очень важно человеку не запутаться, уметь отличать самоуважение и самолюбие. Самолюбивый человек не обязательно имеет чувство собственного достоинства. Любить себя и уважать себя – совершенно разные понятия. Самолюбие позволяет человеку делать вещи, которые никак не связываются с достоинством.

Еще очень важно не путать достоинство с упрямством. Многие люди считают, что если они ни с кем не договариваются и делают все, что хотят, не считаясь с мнением других, значит, у них есть достоинство, а на самом деле они просто упрямые как ослы.

В стихах, которые я подобрал, авторы высмеивают низкие поступки, сочувствуют униженным, оступившимся людям, передают свои переживания, которые они испытали после низкого, подлого поступка и т.д.

Мне интересна эта тема, так как сейчас очень много людей, не уважающих ни себя, ни других. Очень много людей, которые имеют достоинство, но страдают от одиночества и непонимания общества. Немало людей, которые запутались с понятием достоинство. Мне кажется важным и актуальным поднять эти проблемы и разобраться в них.

В сборник вошли стихотворения А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, М.И.Цветаевой, В.С. Высоцкого, В.В.Маяковского, О.Э. Мандельштама.

Николай Козловский

Александр Сергеевич Пушкин
(1799-1837)

Коварность

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, -
Не говори: "он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою";
Не говори: "неблагодарен он:
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкой сон"...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором, -
Тогда ступай, не трать пустых речей -
Ты осужден последним приговором.
1824

Александр Сергеевич Пушкин
(1799-1837)

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: "Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!.."
1822

Александр Сергеевич Пушкин
(1799-1837)

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя -
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.
1823

Александр Сергеевич Пушкин
(1799-1837)

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут - и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.
1827

Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814-1841)

1-е января

Как часто, пёстрою толпою окружён,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шёпоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, -
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, - памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребёнком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зелёной сетью трав подёрнут спящий пруд,
А за прудом село дымится - и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою;
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин -
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно среди морей
Цветёт на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

1840

Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814-1841)

Умиравший гладиатор

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он -- пронзенный в грудь,-- безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освищенный актер.
И кровь его течет -- последние мгновенья
Мелькают, -- близок час...
Вот луч воображенья
Сверкнул в его душе...
Пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опоры дряхлых дней...
Детей играющих -- возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой...
Напрасно -- жалкий раб, -- он пал, как зверь лесной,

Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим,-- прости, о край родной.
Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,

Без веры, без надежд -- игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!
И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья --
Насмешливых льстецов несбыточные сны.
1836

Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814-1841)

Перчатка

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.
Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев, Ложится лев.
И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.
Сверху тогда упади

Перчатка с прекрасной рук
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.
И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
"Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!"
И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.
И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсяду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд --
Педального счастья заклад --
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
"Благодарности вашей не надобно мне!" --
И гордую тотчас покинут.
1829

Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814-1841)

Благодарю

Благодарю!.. Вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мне твой взор покажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И все, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

1830

Марина Ивановна Цветаева
(1892-1941)

Роландов Рог

Как бедный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве:
За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он,—
Чтоб, пошатнувшись,— на живую стену
Упал — и знал, что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — все горб.
Так, наконец, устала я держаться
Сознанием: долг и назначением: драться,—
Под свист глупца и мещанина смех, —
Одна за всех — из всех — противу всех,
Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди — тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!
1932

Владимир Семенович Высоцкий
(1938-1980)

Я не люблю

Я не люблю фатального исхода.
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще,
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или, когда все время против шерсти,
Или, когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза!
Досадно мне, коль слово «честь» забыто,
И коль в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья,
Нет жалости во мне и неспроста -
Я не люблю насилье и бессилье,
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
И не терплю, когда невинных бьют,

Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более, когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены,
На них мильон меняют по рублю,
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю.

1969

Песня завистника

Мой сосед объездил весь Союз -
Что-то ищет, а чего - не видно, -
Я в дела чужие не суюсь,
Но мне очень больно и обидно.
У него на окнах - плюш и шелк,
Баба его шастает в халате, -
Я б в Москве с киркой уран нашел
При такой повышенной зарплате!
И, сдается мне, что люди врут, -
Он нарочно ничего не ищет:
Для чего? - ведь денежки идут -
Ох, какие крупные деньжищи!
А вчера на кухне ихний сын
Головой упал у нашей двери -
И разбил нарочно мой графин, -
Я - мамаше счет в тройном размере.
Ему, значит, - рупь, а мне - пятак?!
Пусть теперь мне платит неустойку!
Я ведь не из зависти, я так -
Ради справедливости, и только.
...Ничего, я им создам уют -
Живо он квартиру обменяет, -
У них денег - куры не клюют,
А у нас - на водку не хватает!

1965

122

Владимир Владимирович Маяковский

(1893-1930)

Скрипка и немножко нервно

Скрипка издергалась, упрашивая,
и вдруг разревелась
так по-детски,
что барабан не выдержал:
"Хорошо, хорошо, хорошо!"
А сам устал,
не дослушал скрипкиной речи,
шмыгнул на горящий Кузнецкий
и ушел.
Оркестр чужо смотрел, как
выплакивалась скрипка
без слов,
без такта,
и только где-то
глупая тарелка
вылязгивала:
"Что это?"
"Как это?"
А когда геликон -
меднорожий,
потный,
крикнул:
"Дура,
плакса,
вытри!" -
я встал,
шатаясь, полез через ноты,
сгибающиеся под ужасом пюпитры,
зачем-то крикнул:
"Боже!",
бросился на деревянную шею:

"Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору -
а доказать ничего не умею!"
Музыканты смеются:
"Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
Голова!"
А мне - наплевать!
Я - хороший.
"Знаете что, скрипка?
Давайте -
будем жить вместе!
А?"
1914

Владимир Владимирович Маяковский
(1893-1930)

Хорошее отношение к лошадям

Били копыта,
Пели будто:
- Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб.-
Ветром опита,
льдом обута
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким¹⁶ клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
- Лошадь упала!
- Упала лошадь! -
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течет по-своему...

Подошел и вижу -

¹⁶ Кузнецкий мост – улица в Москве.

За каплицей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти...

И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
"Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте -
чего вы думаете, что вы сих плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь".
Может быть,
- старая -
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И всё ей казалось -
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.
1918

Осип Эмильевич Мандельштам
(1891-1938)

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков¹⁷, звенеть.

Не разнять меня с жизнью: ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская била тоска.

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое разорвите
Вы на синего звона куски...

И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Он раздастся и глубже и выше -
Отклик неба - в остывшую грудь.
9-19 марта 1937

¹⁷ В произведении Данте Алигьери «Божественная комедия» цифра «девять» использована, когда речь идет о девяти кругах ада и о девять небесных сферах.

Осип Эмильевич Мандельштам
(1891-1938)

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.

Еще обиду тянет с блюда
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться
И я один на всех путях.

Но не хочу уснуть, как рыба,
В глубоком обмороке вод,
И дорог мне свободный выбор
Моих страданий и забот.
Февраль -- 14 мая 1932

Осип Эмильевич Мандельштам
(1891-1938)

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых кровей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

Конец 1935

Осип Эмильевич Мандельштам
(1891-1938)

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? —
И хочется мычать от всех замков и скрепок.

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы —
И прячутся поспешно в уголки
И выбегают из углов угланы¹⁸...

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке —

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
— Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!
1937

¹⁸ Углан – парень, мальй, шалун, подросток, повеса, болван, нелюдим и т.д.
(словарь И.В. Даля)

Школа им. А.М. Горчакова

«Какая ночь! Как воздух чист...»
Поэтический сборник

Составитель Иван Крамаренко

Павловск
2013

«Какая ночь! Как воздух чист...»

В этом сборнике собраны стихотворения о ночи. Этой теме посвящено множество стихотворений разных поэтов. Многие из стихотворений изображают ночной пейзаж. Например, такой отрывок:

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...

(Ф.И.Тютчев)

Обычно в таких стихотворениях поэт передаёт ночную красоту, спокойствие и умиротворённость; здесь нет никакого события. Лично мне нравится именно такая ночь.

Но достаточно часто поэты пишут о страхе и о таинственности ночи. Приведём ещё один пример:

Встаёт мой край пустыней неизвестной.
В полночной тьме пропал и небосклон.
Но слышу я: внизу, в долине тесной,
Несётся пенье, скорбное, как стон...

(С.Я.Маршак)

В стихотворениях такого рода многое основывается на том, что ночью темно и плохо видно, что создаёт ощущение страха. С этой стороны ночь кажется мрачнее и хуже, чем светлый и ясный день. Ночью нам не столько видно, сколько слышно. Но так как мы воспринимаем окружающий мир, в основном, благодаря зрению, ночью слышимые нами звуки оказываются таинственными. Эта тема интересна, и поэты её по-разному интерпретируют.

Нередко бывает и так, что поэты в стихотворениях даже с названием «Ночь» пишут о любви. Всего лишь одна строчка может быть посвящена этой теме, но она полностью изменит смысл стихотворения.

В мой сборник вошли стихотворения В.А.Жуковского, А.А.Дельвига, М.Ю.Лермонтова, Ф.И.Тютчева, А.А.Фета, А.А.Блока, С.А.Есенина, М.И.Цветаевой, Б.Л.Пастернака, А.А.Ахматовой, С.Я.Маршака, Д. Самойлова.

Иван Крамаренко

Самуил Яковлевич Маршак
(1887 – 1964)

Я вышел в ночь. Ни звездочки единой.
Ни одного в окрестности огня.
Едва туман белеет над долиной.
Весь мир уснул. И далеко до дня.

Встает мой край пустыней неизвестной.
В полночной тьме пропал и небосклон.
Не слышу я: внизу, в долине тесной,
Несется пенье, скорбное, как стон.

Кто там поет? Не жители селений.
Кто стал бы сон тревожить в тишине?
Из-за горы сначала вышли тени,
Затем огни проплыли в глубине.

И стало пенье глуше и печальней.
Долина вновь исчезла в море тьмы.
И запоздалой песни отклик дальний
Передают окрестные холмы...

Федор Иванович Тютчев
(1803 – 1873)

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

Борис Леонидович Пастернак
(1890 – 1960)

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
Как летом роем мошकारа
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.
Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.
И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.
И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.
Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Александр Александрович Блок
(1880 – 1921)

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

Александр Александрович Блок
(1880 – 1921)

Как растёт тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совість мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль - раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно не хватит силы
Дотащить до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой - страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

Афанасий Афанасьевич Фет
(1820 – 1892)

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!
Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

Анна Андреевна Ахматова
(1889 – 1966)
«Нох: Статуя Ночь в Летнем саду»

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой.
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши¹⁹,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

¹⁹ Древние греки считали, что питье вина – это приобщение к богу Дионису.

Александр Александрович Блок
(1880 – 1921)

Ночь - как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День - как день; ведь решена задача:
Все умрут.

Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814 – 1841)
Ночь

В чугу́н печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночною мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скушно,
Мне тяжко бденье²⁰, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты
Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Всё, — только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

²⁰ Бденье — бодрствование.

Антон Антонович Дельвиг
(1798 – 1831)
Луна

Я вечером с трубкой сидел у окна;
Печально глядела в окошко луна;

Я слышал: потоки шумели вдали;
Я видел: на холмы туманы легли.

В душе замутилось, я дико вздрогнул:
Я прошлое живо душой вспомню!

В серебряном блеске вечерних лучей
Явилась мне Ли́ла, веселье очей.

Как прежде, шепнула коварная мне:
«Быть вечно твоею клянуся луне».

Как прежде, за тучи луна уплыла,
И нас разлучила неверная мгла.

Из трубки я выдул сгоревший табак.
Вздохнул и на брови надвинул колпак.

Федор Иванович Тютчев
(1803 – 1873)

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человек и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и, с мира рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Василий Андреевич Жуковский
(1783 – 1852)
Ночь

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер²¹ летит перед ней
С прекрасной звездой своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом.
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пенем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

---

²¹Геспер – вечерняя звезда и царь западной страны в греческой мифологии.

Сергей Александрович Есенин
(1895 – 1925)
Ночь

Тихо дремлет река.
Темный бор не шумит.
Соловей не поет,
И дергач²² не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошенных степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе все спит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

²² Дергач – то же самое, что и коростель.

Давид Самойлов²³
(1920 – 1990)

Была туманная луна,
И были нежные березы...
О март-апрель, какие слезы!
Во сне какие имена!
Туман весны, туман страстей,
Рассудка тайные угрозы...
О март-апрель, какие слезы-
Спросонья, словно у детей!..
Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О март-апрель, какие слезы!
Причины и названья нет!
Вдали, за кромкой голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О март-апрель, какие слезы!
О чем ты плачешь? Бог с тобой!

²³ Настоящее имя – Давид Самуилович Кауфман.

Анна Андреевна Ахматова
(1889-1966)

Стоит на небе месяц, чуть живой,
Средь облаков струящихся и мелких,
И у дворца угрюмый часовой
Глядит, сердясь, на башенные стрелки.

Идет домой неверная жена,
Ее лицо задумчиво и строго,
А верную в тугих объятьях сна
Сжигает негасимая тревога.

Что мне до них? Семь дней тому назад,
Вздыхнувши, я прости сказала миру,
Но душно там, и я пробралась в сад
Взглянуть на звезды и потрогать лиру.

Марина Ивановна Цветаева
(1892-1941)
Ночь

Час обнажающихся верховий,
Час, когда в души глядишь - как в очи.
Это - разверстые шлюзы крови!
Это - разверстые шлюзы ночи!

Хлынула кровь, наподобье ночи.
Хлынула кровь, - наподобье крови.
Хлынула ночь! (Слуховых верховий
Час: когда в уши нам мир - как в очи!)

Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда ухо разъяв, как веко,
Больше не весим, не дышим: слышим.

Мир обернулся сплошной ушною
Раковиною: сосущей звуки
Раковиною, - сплошной душою!..
(Час, когда в души идешь - как в руки!)

«Лучше гор могут быть только горы...»

Почему поэты пишут про горы? Откуда такая любовь к скалам и занесенным вершинам?

Мне кажется, что у разных поэтов разная цель. Например, кто-то пишет про горы, чтобы рассказать о дружбе, так как в горах, на отвесных скалах, бывает так, что от тебя ничего не зависит и всё зависит от друга, который держит твою страховку, и тебе остаётся надеяться только на крепость его рук.

А кто-то пытается рассказать об отваге, которая, безусловно, нужна в горах. Кто-то связывает горы с мифическими героями и великанами, с Персеем из греческой мифологии. А кто-то, вдохновлённый заснеженными вершинами, отвесными скалами и высотой гор, просто описывает красоту, которую он видит – каждую пещеру, вершину или скалу.

Я очень люблю горы. Для меня горы – это символ свободы, высоты и вечности, ведь смотреть на горы можно бесконечно, разглядывая каждую пещеру, каждый выступ и каждую скалу. Я люблю скалолазание, ведь, когда под тобой пропасть, возникает особое чувство, которое я люблю. Это чувство страха, смешанное с чувством отваги и экстрима.

Горы бывают разные: голые скалы, заснеженные вершины, плоскогорья, утёсы – всё это я попытался показать в своём сборнике.

В сборник вошли стихотворения В.С.Высоцкого, М.Ю.Лермонтова, И.А.Булнина, С.А.Есенина, А.С.Пушкина, Н.А.Заболоцкого, Ф.И.Тютчева и Я.П.Полонского.

«Лучше гор могут быть только горы...»

Поэтический сборник

Составитель Юрий Кукарцев

Михаил Юрьевич Лермонтов

1814-1841

Утро на Кавказе

Светаёт — вьётся дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Ещё у ног Кавказа тишина,
Молчит табун, река журчит одна.

Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там, —
Так девушки, купаясь в тени,
Когда увидят юношу, они
Краснеют все, к земле склоняют взор, —
Но как бежать, коль близок милый вор!..
1830

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз.
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.
В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.

Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

* * *

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Ещё ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, — грозный, вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пестун, юных сил
Хранитель верный, [и мечтою
Я страстно обнимал тебя порою.]
И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, собирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака.
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений,
Зубчатую тянулись полосой,
Таинственной, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.
1837

Утёс

Ночевала тучка золотая
 На груди утеса-великана;
 Утром в путь она умчалась рано,
 По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
 Старого утеса. Одиноко
 Он стоит, задумался глубоко
 И тихонько плачет он в пустыне.

* * *

Люблю я цепи синих гор,
 Когда, как южный метеор,
 Ярка без света и красна
 Всплывает из-за них луна,
 Царица лучших дум певца
 И лучший перл того венца,
 Которым свод небес порой
 Гордится, будто царь земной.
 На западе вечерний луч
 Еще горит на ребрах туч
 И уступить всё медлит он
 Луне — угрюмый небосклон;
 Но скоро гаснет луч зари...
 Высоко месяц. Две иль три
 Младые тучки окружают
 Его сейчас... вот весь наряд,
 Которым белое чело
 Ему убрать позволено.
 Кто не знавал таких ночей
 В ущельях гор иль средь степей?
 Однажды при такой луне

Я мчался на лихом коне
 В пространстве голубых долин,
 Как ветер волен и один.
 Туманный месяц и меня,
 И гриву, и хребет коня
 Сребристым блеском осыпал;
 Я чувствовал, как конь дышал,
 Как он, ударивши ногой,
 Отбрасываем был землей,
 И я в чудесном забытьи
 Движенья сковывал свои,
 И с ним себя желал я слить,
 Чтоб этим бег наш ускорить.
 И долго так мой конь летел...
 И вокруг себя я поглядел:
 Всё та же степь, всё та ж луна...
 Свой взор ко мне склонив, она,
 Казалось, упрекала в том,
 Что человек с своим конем
 Хотел владычество степей
 В ту ночь оспоривать у ней!
 1832

Кавказу

Кавказ! далекая страна!
 Жилище вольности простой!
 И ты несчастьями полна
 И окровавлена войной!..
 Ужель пещеры и скалы
 Под дикой пеленою мглы
 Услышат также крик страстей,
 Звон славы, злата и цепей?..
 Нет! прошлых лет не ожидай,
 Черкес, в отечество свое:
 Свободе прежде милый край
 Приметно гибнет для нее.

Владимир Семенович Высоцкий

1938-1980

Вершина

Здесь вам не равнина,
здесь климат иной —
Идут лавины
одна за одной
И здесь за камнепадом ревёт камнепад.
И можно свернуть,
обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа!

Кто здесь не бывал,
кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звёзды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как Вечным огнём,
сверкает днём
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят,
да, пусть говорят,
Но — нет, никто не гибнет зря!
Так лучше — чем от водки и от простуд.

Другие придут,
сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены...
А ну — не зевай!
Ты здесь на везенье
не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лёд, ни скала.
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени...
Ни шагу назад!
И от напряженья
колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир — на ладони! Ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим — у которых вершина ещё впереди.

1966

К вершине (Памяти Михаила Хергиани)

Ты идёшь по кромке ледника,
Взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
Выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз,
Будто бы тебе покой обещан,

Предостерегая всякий раз
Камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают: к ним пришла беда —
Дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал ещё тогда
От разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил —
Громким эхо отзывались скалы,
Ветер по ущельям разносил
Эхо гор, как радиосигналы.

И когда шёл бой за перевал —
Чтобы не был ты врагом замечен,
Каждый камень грудью прикрывал,
Скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдёт!
Ты пошёл, ты не поверил слухам —
И мягчал гранит, и таял лёд,
И туман у ног стелился пухом...

Если в вечный снег навеки ты
Ляжешь — над тобою, как над близким,
Наклонятся горные хребты
Самым прочным в мире обелиском.

1969

Высота

Вцепились они в высоту, как в своё.
Огонь миномётный, шквальный...
А мы всё лезли толпой на неё,
Как на буфет вокзальный.

И крики "ура" застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту —
Семь раз мы её оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля — как горелая каша...
В восьмой раз возьмём мы её насовсем —
Своё возьмём, кровное, наше!

А можно её стороной обойти?
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно — все судьбы-пути
На этой высотке скрестились.

Вцепились они в высоту, как в своё.
Огонь миномётный, шквальный...
А мы всё лезли толпой на неё,
Как на буфет вокзальный.

1965

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы - просто некуда деться!
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры!
Я себе уже все доказал -
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один?
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?
Но спускаемся мы с покоренных вершин -
Что же делать, и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры!
Я себе уже все доказал -
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас и зовут нас остаться.
Но спускаемся мы - кто на год, кто совсем,
Потому что всегда, потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры!
Я себе уже все доказал -
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал.

1966

Александр Сергеевич Пушкин

1799 – 1837

Кавказ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

Обвал

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы, и ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал загородил,
И Терека могущий вал остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев прошиб снега...
Ты затопил, освирепев, свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал. И пылью вод
И шумной пеной орошал ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол, небес жилец.

Есенин Сергей Александрович

1895 – 1926

На Кавказе

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску лечя,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру вместо злата.

За грусть и жёлчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безглядь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрывать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русских стих
Кизиловым струиться соком.

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забуть ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

Сентябрь 1924, Тифлис

Яков Петрович Полонский

1819 – 1898

На пути из-за Кавказа

I

Неприступный, горами заставленный,
Ты, Кавказ, наш воинственный край, -
Ты, наш город Тифлис знойно-каменный,
Светлой Грузии солнце, прощай!

Душу, к битвам житейским готовую,
Я за снежный несущу перевал.
Я Казбек миновал, я Крестовую
Миновал - недалеко Дарьял.

Слышу Терека волны тревожные
В мутной пене по камням шумят -
Колокольчик звенит - и надежные
Кони юношу к северу мчат.

Выси гор, в облака погруженные,
Расступитесь! - приволье станиц -
Расстилаются степи зеленые -
Я простору не вижу границ.

И душа на простор вырывается
Из-под власти кавказских громад -
Колокольчик звенит-заливается...
Кони юношу к северу мчат.

Погоняй! гаснет тень за курганами,
С вышек молча глядят казаки -
Красный месяц встает за туманами,
Недалеко дрожат огоньки -

В стороне слышу карканье ворона -
Различаю впотьмах труп коня -
Погоняй, погоняй! тень Печорина
По следам догоняет меня...

II

Ты, с которой так много страдания
Терпеливо я прожил душой,
Без надежды на мир и свидание
Навсегда я простился с тобой.

Но боюсь - если путь мой протянется -
Из родимых полей в край чужой -
Одинокое сердце оглянется
И сожмется знакомой тоской. -

Вспомнит домик твой - дворик, увешанный
Виноградными лозами - тень -
Где, твоим лепетаньем утешенный,
Я вдавался в беспечную лень.

Вспомнит роз аромат над канавою,
Бубна звон в поздний вечера час,
Тввой личак - и улыбку лукавую
И огонь соблазняющих глаз.

Все, что было обманом, изменою,
Что лежало на мне словно цепь,
Все исчезло из памяти с пеною
Горных рек, вытекающих в степь. -

10 июня 1851

Фёдор Иванович Тютчев

1803 – 1873

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.
1829

Снежные горы

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, –
И задымилась гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи
И с камней, блестящих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, –

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.
1829

Николай Алексеевич Заболоцкий

1903-1958

Зима. Огромная, просторная зима.
Деревьев громкий треск звучит, как канонада.
Глубокий мрак ночей выводит терема
Сверкающих снегов над выступами сада.
В одежде кристаллической своей
Стоят деревья. Темные вороны,
Сшибая снег с опущенных ветвей,
Шарахаются, немощны и сонны.
В оттенках грифеля клубится ворох туч,
И звезды, пробиваясь посредине,
Свой синеватый движущийся луч
Едва влачат по ледяной пустыне.
Но лишь заря прорежет небосклон
И встанет солнце, как, подобно чуду,
Свет тысячи огней возникнет отовсюду,
Частицами снегов в пространство отражен.
И девственный пожар январского огня
Вдруг упадет на школьный палисадник,
И хоры петухов сведут с ума курятник,
И зимний день всплывет, ликуя и звеня.
В такое утро русский человек,
Какое б с ним ни приключилось горе,
Не может тосковать. Когда на косогоре
Вдруг заскрипел под валенками снег
И большеглазых розовых детей
Опять мелькнули радостные лица, —
Лариса поняла: довольно ей томиться,
Довольно мучиться. Пора очнуться ей!
В тот день она рассказывала детям
О нашей родине. И в глубину времен,
К прошедшим навсегда тысячелетьям
Был взор ее духовный устремлен.
И дети видели, как в глубине веков,

Образовавшись в огненном металле,
Платформы двух земных материков
Средь раскаленных лав затвердевали.
В огне и буре плавала Сибирь,
Европа двигала свое большое тело,
И солнце, как огромный нетопырь,
Сквозь желтый пар таинственно глядело.
И вдруг, подобно льдинам в ледоход,
Материки столкнулись. В небосвод
Метнулся камень, образуя скалы;
Расплавы звонких руд вонзились в интервалы
И трещины пород; подземные пары,
Как змеи, извиваясь меж камнями,
Пустоты скал наполнили огнями
Чудесных самоцветов. Все дары
Блестательной таблицы элементов
Здесь улеглись для наших инструментов
И затвердели. Так возник Урал.
Урал, седой Урал! Когда в былые годы
Шумел строительства первоначальный вал,
Кто, покоритель скал и властелин природы,
Короной черных дозн тебя короновал?
Когда магнитогорские мартены
Впервые выбросили свой стальной поток,
Кто отворил твои безжизненные стены,
Кто за собой сердца людей увлек
В кипучий мир бессмертных пятилеток?
Когда бы из могил восстал наш бедный предок
И посмотрел вокруг, чтоб целая страна
Вдруг сделалась ему со всех сторон видна, —
Как изумился б он! Из черных недр Урала,
Где царствуют топаз и турмалин,
Пред ним бы жизнь невиданная встала,
Наполненная пением машин.
Он увидел бы мощные громады

Магнитных скал, сползающих с высот,
Он увидел бы полный сил народ,
Трудящийся в громах подземной канонады,
И землю он свою познал бы в первый раз...
Не отрывая от Ларисы глаз,
Весь класс молчал, как бы замороженный.
Лариса чувствовала: огонек, зажженный
Ее словами, будет вечно жить
В сердцах детей. И совершилось чудо:
Воспоминаний горестная груда
Вдруг перестала сердце ей томить.
Что сердце? Сердце — воск. Когда ему блеснет
Огонь сочувственный, огонь родного края,
Растопится оно и, медленно сгорая,
Навстречу жизни радостно плывет.

*«И море, и Гомер – все движется
любовью...»*

Поэтический сборник

Составитель Даниил Кунис

*«И море, и Гомер – все движется любовью...»
О.Э.Мандельштам*

Любовью, как писал Мандельштам, движет все. И правда, иногда любовь может подвинуть на необычайно новые желания, поступки: вечные скитания по свету, написание стихов, книг. Любовь может вызвать самые разные чувства: грусть, боль, радость... В стихотворении Пушкина «Желание славы» у лирического героя появляется желание прославиться, дабы его возлюбленная слышала его имя всегда, в стихотворении «Сей день, я помню, для меня...» Тютчев пишет о том, как признание любимой для него открыло новый мир.

Огромное множество стихов и поэм о любви объясняется тем, что влюбленные люди хотят рассказать о своих чувствах, но в прозе выразить чувства очень трудно. Поэтому главной темой поэзии на все времена стала тема любви.

В сборник вошли стихотворения М.Ю.Лермонтова, А.С.Пушкина, Ф.И.Тютчев, А.А.Блок, О.Э.Мандельштам, М.И.Цветаева, В.С.Высоцкий, А.А.Вознесенский.

Даниил Кунис

*М.Ю.Лермонтов (1814 – 1841)***Благодарю!**

Благодарю!.. Вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твоё притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мне твой взор покажет,
Пусть он убьёт надежды и мечты
И всё, что в сердце возродила ты, —
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

1830г.

Нищий

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой.
От глада жажды и страданий

Куска лишь хлеба он просил,
И взгляд являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою.

1830г.

Благодарность

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За мечь врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

1840г.

А.С.Пушкин (1799 – 1837)

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
 Как долго медлил я! как долго не хотела
 Рука предать огню все радости мои!..
 Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
 Готов я; ничему душа моя не внемлет.
 Уж пламя жадное листы твои приемлет...
 Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым
 Виясь, теряется с молением моим.
 Уж перстня верного утрата впечатленья,
 Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
 Свершилось! Тёмные свернулись листы;
 На лёгком пепле их заветные черты
 Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
 Отрада бедная в судьбе моей унылой,
 Останься век со мной на горестной груди...

1825г.

Желание славы

Когда, любовию и негой упоенный,
 Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
 Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
 Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
 Ты знаешь: удален от ветреного света,
 Скучая суетным прозванием поэта,
 Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
 Жужжанью дальнему упреков и похвал.
 Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
 Когда, склонив ко мне томительные взоры

175

И руку на главу мне тихо наложив,
 Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
 Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
 А я стесненное молчание хранил,
 Я наслаждением весь полон был, я мнил,
 Что нет грядущего, что грозный день разлуки
 Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измены, клевета, всё на главу мою
 Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
 Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
 И все передо мной затмилось! И ныне
 Я новым для меня желанием томим:
 Желая славы я, чтоб именем моим
 Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
 Окружена была, чтоб громкою молвою
 Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
 Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
 Ты помнила мои последние моленья
 В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

* * *

Храни меня, мой талисман,
 Храни меня во дни гоненья,
 Во дни раскаянья, волненья:
 Ты в день печали был мне дан.
 Когда подымет океан
 Вокруг меня валы ревучи,
 Когда грозою грянут тучи, —
 Храни меня, мой талисман.
 В уединеньи чуждых стран,
 На лоне скучного покоя,
 В тревоге пламенного боя
 Храни меня, мой талисман.

176

Священный сладостный обман,
 Души волшебное светило...
 Оно сокрылось, изменило...
 Храни меня, мой талисман.
 Пускай же век сердечных ран
 Не растравит воспоминанье.
 Прощай, надежда; спи, желанье;
 Храни меня, мой талисман.

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
 Мне тяжело, как смутное похмелье.
 Но, как вино — печаль минувших дней
 В моей душе чем старе, тем сильней.
 Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
 Грядущего волнуемое море.
 Но не хочу, о други, умирать;
 Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
 И ведаю, мне будут наслажденья
 Меж горестей, забот и тревоженья:
 Порой опять гармонией упьюсь,
 Над вымыслом слезами обольюсь,
 И может быть — на мой закат печальный
 Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830г.

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
 Шумит Арагва предо мною.
 Мне грустно и легко; печаль моя светла;
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мучит, не тревожит,
 И сердце вновь горит и любит — оттого,
 Что не любить оно не может.

Ф.И.Тютчев (1803 - 1873)

* * *

Сей день, я помню, для меня
 Был утром жизненного дня:
 Стояла молча предо мною,
 Вздыхалась грудь ее волною,
 Алели щеки, как заря,
 Все жарче рдея и горя!
 И вдруг, как солнце молодое,
 Любви признание золотое
 Исторглось из груди ея...
 И новый мир увидел я!..

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
 В тихом свете гаснущего дня...
 Тяжело мне, замирают ноги...
 Друг мой милый, видишь ли меня?
 5 Все темней, темнее над землею —
 Улетел последний отблеск дня...
 Вот тот мир, где жили мы с тобою,
 Ангел мой, ты видишь ли меня?
 Завтра день молитвы и печали,
 10 Завтра память рокового дня...
 Ангел мой, где б души ни витали,
 Ангел мой, ты видишь ли меня?

А.А.Блок (1880 – 1921)

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Перед мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутись проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют твоей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

* * *

Есть времена, есть дни, когда
Ворвётся в сердце ветер снежный,
И не спасёт ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идёт безумие любви...

Полсердца — туча грозовая,
Под ней — всё глушь, всё немота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

1913г.

О.Э.Мандельштам (1891 – 1938)

* * *

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи,-
На головах царей божественная пена,-
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер - всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

М.И.Цветаева (1892 – 1941)

* * *

Рас-стояние: вёрсты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: вёрсты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассóрили — рассорили,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас, как орлов-

Заговорщиков: вёрсты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По трупам земных широт
Рассовали нас, как сирот.

Который уж, ну который — март?!
Разбили нас — как колоду карт!

1925

В.С.Высоцкий (1938 – 1980)

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На берег тихо выбралась любовь
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было сорок сороков.

И чудачки - еще такие есть -
Вдыхают полной грудью эту смесь.
И ни наград не ждут, ни наказанья,
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же неровного дыханья...

Только чувству, словно кораблю,
Долго оставаться на плаву,
Прежде чем узнать, что "я люблю", -
То же, что дышу, или живу!

И вдоволь будет странствий и скитаний,
Страна Любви - великая страна!
И с рыцарей своих для испытаний
Все строже станет спрашивать она.
Потребуется разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить,
Они уже согласны заплатить.
Любой ценой - и жизнью бы рискнули,
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить

Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули...

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,
Потому что, если не любил,
Значит, и не жил, и не дышал!

Но многих захлебнувшихся любовью,
Не докричишься, сколько не зови...
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешан на крови.
А мы поставим свечи в изголовье
Погибшим от невиданной любви...

Их голосам дано сливаться в такт,
И душам их дано бродить в цветах.
И вечностью дышать в одно дыханье,
И встретиться со вздохом на устах
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мирозданья...

Я поля влюбленным постелю,
Пусть поют во сне и наяву!
Я дышу - и значит, я люблю!
Я люблю - и, значит, я живу!

1975г.

А.А.Вознесенский (1933 – 2010)

В человеческом организме

В человеческом организме
Девяносто процентов воды,
Как, наверное, в Паганини,
Девяносто процентов любви.

Даже если - как исключение -
Вас растаптывает толпа,
В человеческом назначении -
Девяносто процентов добра.

Девяносто процентов музыки,
Даже если она беда,
Так во мне, несмотря на мусор,
Девяносто процентов тебя.

«Умом Россию не понять...»

**«Умом Россию не понять...»
Поэтический сборник**

Составитель Елисей Лещев

В этом сборнике представлены стихотворения про Россию. Обычно мы читаем стихи, в которых ее прославляют, но сегодня вы прочтете сборник, в котором собраны стихотворения, указывающие на пороки и проблемы, портящие впечатление о нашей стране. Вам кажется, что об этом начали говорить лишь сейчас, но это не так. Об этом писали А.А.Блок, И.И.Бунин, А.А.Ахматова, Г.В.Иванов, Д.С.Самойлов, Н.А.Некрасов, М.Волошин, Ф.И.Тютчев, М.Ю.Лермонтов, чьи стихотворения я и собрал в свой сборник. Из этого мы можем понять очень многое о жизни в России раньше.

История России полна неизлечимыми проблемами, которые, задевая поэтов, заставляли писать о них и пытаться направить общественных деятелей в нужное русло деятельности. Хотя все эти проблемы остались до сих пор, но все же эти стихотворения оказали влияние и на поэзию, и на историю. Прочитав эти стихотворения, вы можете увидеть, как поэты относились к России на протяжении XIX и XX веков.

В сборник вошли стихотворения Ф.Тютчева, Н.Некрасова, А.Блока, А.Ахматова, М.Лермонтова, И.Бунина, М.Волошин, Г.Иванов, Д.Самойлова

Федор Иванович Тютчев
(1803- 1873)

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866

Некрасов Николай Алексеевич
(1821-1877)

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное -
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая -
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается,-

Русь не шелохнется,
Русь - как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая,-

Встали - небужены,
Вышли - непрошены,
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается -
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка Русь!

Александр Александрович Блок (1880-1921)

Скифы

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Владимир Соловьёв*

Мильоны - вас. Нас - тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы - мы! Да, азиаты - мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас - века, для нас - единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома, лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот - срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет - не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,

Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия - Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!...

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все - и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё - и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё - парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть - и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!

Пока не поздно - старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем - братья!

А если нет - нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века вас будет проклинять
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы - отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!...

В последний раз - опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Русский бред

Зачинайся, русский бред...

...Древний образ в темной раке,
Перед ним - подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно...
Но нельзя его оплакать,
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут
В кучу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа -
Там и тут,
Там и тут...

Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох.
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым...

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,-
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущий...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,-
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одно заботой боле -
Одной слезой река шумней
А ты все та же - лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу, на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что' там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Цареградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты -
Кинулась из степи черная мгла...

За' море Черное, за' море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что' же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

Анна Андреевна Ахматова
(1889-1966)

Родная земля

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814-1841)

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю - за что, не знаю сам -
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Вторая редакция:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Иван Алексеевич Бунин
(1870-1953)

Родина

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

Родине

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей -
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой сострадания
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

Максимилиан Волошин

(1877-1932)

Мир

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

Россия

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной -
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленною верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твоё.

Родина

И каждый прочь побрел, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изражена, изнемогая,
И не защищена никем.

Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон - твоя
Мечта в страданиях изжитая
И неосуществленная...

Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба -
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии - в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И правды воспринять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

Неопалимая Купина

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
     Была ли ты? есть? или нет?
 Омут... стремнина... головокруженье...
     Бездна... безумие... бред...
 Всё неразумно, необычайно:
     Взмахи побед и разрух...
 Мысль замирает пред вещью тайной
     И ужасается дух.
 Каждый, коснувшийся дерзкой рукою, –
     Молнией поражен:
 Карл под Полтавой, ужален Москвою
     Падает Наполеон.
 Помню квадратные спины и плечи
     Грузных германских солдат –
 Год... и в Германии русское вече:
     Красные флаги кипят.
 Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
     В русскую водоверть!
 Не прикасайся до наших пожарищ!
     Прикосновение – смерть.
 Реки вздувают безмерные воды,
     Стонет в равнинах метель:
 Бродит в точиле, качает народы
     Русской разымчивой хмель.
 Мы – зараженные совестью: в каждом
     Стеньке – святой Серафим,
 Отданный тем же похмельям и жаждам,
     Тою же волей томим.
 Мы погибаем, не умирая,
     Дух обнажаем до дна.
 Дивное диво – горит, не сгорая,
     Неопалимая Купина!

Русь гулящая

В деревнях погорелых и страшных,
 Где толчется шатуший народ,
 Шлендит пьяная в лохмах кумашных
 Да бесстыжие песни орет.
 Сквернословит, скликает напасти,
 Пляшет голая - кто ей заказ?
 Кажет людям срамные части,
 Непотребства творит напоказ.

А проспавшись, бьется в подклетях,
 Да ревет, завернувшись в платок,
 О каких-то расстрелянных детях,
 О младенцах, засоленных впрок.
 А не то разинет глазища
 Да вопьется, вцепившись рукой:
 "Не оставь меня смрадной и нищей,
 Опозоренной и хмельной.

Покручинься моею обидой,
 Погорюй по моим мертвецам,
 Не продай басурманам, не выдай
 На потеху лихим молодцам...
 Вся-то жизнь в теремах под засовом..
 Уж натешились вы надо мной...
 Припаскудили пакостным словом,
 Припоганили кличкой срамной".

Разве можно такую оставить,
 Отчураться, избыть, позабыть?
 Ни молитвой ее не проплавить,
 Ни любовью не растопить...
 Расступись же, кровавая бездна!
 Чтоб во всей полноте бытия
 Всенародно, всемирно, всезвездно
 Просияла правда твоя!

Русь глухонемая

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
- "Изыди, дух глухонемой!" -
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел -
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал:

"Сей род упорен:

Молитвой только и постом
Его природа одолима".

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украва твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: "Бес, изыди!".

Георгий Владимирович Иванов

(1894-1958)

Россия

Россия счастье. Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля –
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.

Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.

Россия тишина. Россия прах.
А может быть, Россия – только страх.

Верёвка, пуля, ледяная тьма,
И музыка, сводящая с ума.

Верёвка, пуля, каторжный рассвет,
Над тем, чему названья в мире нет.

Давид Самойлович Самойлов
(1920-1990)

* * *

Россия одинока в мире,
Она одна стоит как перст,
Не докричишь из этой шири
Ни до кого, кто есть окрест.

Нет никого окрест России,
Нет никого в ее пути.
И ни уму, ни лжи, ни силе
Ее вовеки не спасти.

«Теперь поговорим о дряни»

Поэтический сборник

Составитель Георгий Миклушонок

«Теперь поговорим о дряни»

Название моего сборника очень длинное и немного непонятное – «О дряни, или о том, что неприятно человеку, что разрушает его и о том, что мешает ему жить». А строка: «Теперь поговорим о дряни» (это лишь часть стихотворения «О дряни» В.В. Маяковского) на мой взгляд, должна заинтересовать читателя.

В своем сборнике я хочу показать, чего человек не любит. Я постарался включить в сборник стихотворения поэтов, которые пишут свои стихи против власти, смотря ей в глаза, выражают свой протест, свое отношение к миру. В сборник включены стихи, в которых ярче всего высмеиваются пороки общества, несправедливость.

В небольшом сборнике будет достаточно много стихотворений Маяковского, я подобрал одни из самых знаменитых и ярких его стихотворений. Как говорили его современники, Маяковский мог наполнить всю комнату своими эмоциями, он так ярко читал свои стихи, что публика содрогалась, ему было «тесно» в этих маленьких залах, всплеск его эмоций рушил стены комнат, ему нужна была свобода. Когда я прочитал его стихи, я понял: это тот, кто мне нужен. Маяковский, пожалуй, самый главный поэт моего сборника. Я выбрал одно его стихотворение («О дряни»), самое важное, яркое, агрессивное (на мой взгляд) и использовал строчку из него в названии сборника. Ведь в этом стихотворении поэт ярче всего выражает свой протест, пишет о том, что ему неприятно.

В сборник вошли стихотворения В.В. Маяковского, В.С. Высоцкого, К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева, П.С. Бобрищева-Пушкина, Н.И. Тургенева, Саши Чёрного.

Владимир Владимирович Маяковский
1893 – 1930

О дряни

Слава. Слава, Слава героям!!!

Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
мое славословие.)

Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.

Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,

живут и поныне
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спальни.

И вечером
та или иная мразь,
на жену.
за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморясь:
"Товарищ Надя!
К празднику прибавка -
24 тыщи.
Тариф.
Эх, заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф!"
А Надя:
"И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
сегодня
буду фигурировать я
на балу в Реввоенсовете?!"
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На "Известиях" лежат, котенок греется.
А из-под потолочка
верещала
оголтелая канареица.

Маркс со стенки смотрел, смотрел..
И вдруг

разинул рот,
да как заорет:
"Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните -
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!"
1920-1921

Гимн взятке

Пришли и славословим покорненько
тебя, дорогая взятка,
все здесь, от младшего дворника
до того, кто в золото заткан.

Всех, кто за нашей десницей
посмеет с укором глаза весть,
мы так, как им и не снится,
накажем мерзавцев за зависть.

Чтоб больше не смела вздыматься хула,
наденем мундиры и медали
и, выдвинув вперед убедительный кулак,
спросим: "А это видали?"

Если сверху смотреть - разинешь рот.
И выиграет от радости каждая мышца.
Россия - сверху - прямо огород,
вся наливается, цветет и пышится.

А разве видано где-нибудь, чтоб стояла коза
и лезть в огород козе лень?..
Было бы время, я б доказал,

которые - коза и зелень.
И нечего доказывать - идите и берите.
Умолкнет газетная нечисть ведь.
Как баранов, надо стричь и брить их.
Чего стесняться в своем отечестве?
1915

Издевательства

Павлиньим хвостом распушу фантазию в пестром цикле,
душу во власть отдам рифм неожиданных рою.
Хочется вновь услышать, как с газетных столбцов зацыкали
те,
кто у дуба, кормящего их,
корни рылами роют.
1916

Хвои

Не надо.
Не просите.
Не будет елки.
Как же
в лес
отпустите папу?
К нему
из-за леса
ядер осколки
протянут,
чтоб взять его,
хищную лапу.

Нельзя.
Сегодня
горящие блесстки

не будут лежать
под елкой
в вате.
Там —
миллион смертоносных óсок
ужалят,
а раненым ваты не хватит.

Нет.
Не зажгут.
Свечей не будет.
В море
железные чудища лязят.

А с этих чудищ
злые люди
ждут:
не блеснет ли у óкон в глазе.

Не говорите.
Глупые речь заводят:
чтоб дед пришел,
чтоб игрушек ворох.
Деда нет.
Дед на заводе.
Завод?
Это тот, кто делает порох.

Не будет музыки.
Рученек
где взять ему?
Не сядет, играя.
Ваш брат
теперь,
безрукий мученик,

идет, сияющий, в воротах рая.

Не плачьте.
Зачем?
Не хмурьте личек.
Не будет —
что же с того!
Скоро
все, в радостном кличе
голоса сплетая,
встретят новое Рождество.

Елка будет.
Да какая —
не обхватишь ствол.
Навесят на елку сиянья разного.
Будет стоять сплошное Рождество.
Так что
даже —
надоест его праздновать.
1916

Радоваться рано

Будущее ищем.
Исходили вёрсты торцов.
А сами
расселились кладбищем,
придавлены плитами дворцов.
Белогвардейца
найдете - и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенке музеев тенькать.
Стодюймовками глоток старье расстреливай!
Сеете смерть во вражьем стане.
Не попадись, капитала наймиты.
А царь Александр
на площади Восстаний
стоит?
Туда динамиты!
Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему
не атакован Пушкин?
А прочие
генералы классики?
Старье охраняем искусства именем.
Или
зуб революций ступился о короны?
Скорее!
Дым развейте над Зимним -
фабрики макаронной!
Попалили денек-другой из ружей

и думаем -
старому нос утрем.
Это что!
Пиджак сменить снаружи -
мало, товарищи!
Выворачивайтесь нутром!
1918

Приказ по армии искусства

Канителят стариков бригады
канитель одну и ту ж.
Товарищи!
На баррикады! —
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый,
кто мосты к отступлению сжег.
Довольно шагать, футуристы,
в будущее прыжок!
Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек.
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
попя и свища.
Есть еще хорошие буквы:
Эр,
Ша,
Ща.
Это мало — построить парами,
распушить по штанине канты
Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащите рояли,
барабан из окна багром!

Барабан,
рояль раскрой ли,
но чтоб грохот был,
чтоб гром.
Это что — корпеть на заводах,
перемазать рожу в копоть
и на роскошь чужую
в отдых
осовелыми глазками хлопать.
Довольно грошовых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты!
1918

Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе

Сапоги почистить - 1 000 000.
Состояние!
Раньше б дом купил -
и даже неплохой.

Привыкли к миллионам.
Даже до луны расстояние
советскому жителю кажется чепухой.

Дернул меня черт
писать один отчет,
"Что это такое?" -

спрашивает с тоскою
машинистка.
Ну, что ответу ей?!
Черт его знает, что это такое,
если сзади
у него
тридцать семь нулей.
Недавно уверяла одна дура,
что у нее
тридцать девять тысяч семь сотых температура.
Так привыкли к таким числам,
что меньше сажени число и не мыслим.
И нам,
если мы на митинге ревим,
рамки арифметики, разумеется, узки -
все разрешаем в масштабе мировом.
В крайнем случае - масштаб общерусский.
"Электрификация!?" - масштаб всероссийский.
"Чистка!" - во всероссийском масштабе,
Кто-то
даже,
чтоб избежать переписки,
предлагал -
сквозь землю
до Вашингтона кабель.

Иду.
Мясницкая.
Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сзади с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;

то грузовик обдаст,
то лошадь.
Балансируя
- четырехлетний навык! -
тащусь меж канавищ,
канав,
канавок.
И то
- на лету вспоминая маму -
с размаху
у почтамта
плюхаюсь в яму.
На меня тележка.
На тележку баба.
В грязи ворочаемся с боку на бок.
Что бабе масштаб грандиозный наш?!
Бабе грязью обдало рыло,
и баба,
взбираясь с этажа на этаж,
сверху
и меня
и власти крыла.
Правдив и свободен мой вещий язык
и с волей советскою дружен,
но, натолкнувшись на эти низы,
даже я запнулся, сконфужен.
Я
на сложных агитвопросах рос,
а вот
не могу объяснить бабе,
почему это
о грязи
на Мясницкой
вопрос
никто не решает в общемясницком масштабе?!

1921

Сволочи

Гвоздимые строками,
стойте н_е_мы!
Слушайте этот волчий вой,
еле прикидывающийся поэмой!
Дайте сюда
самого жирного,
самого плешивого!
За шиворот!
Ткну в отчет Помгола.
Смотри!
Видишь -
за цифрой голой...

Ветер рванулся.
Рванулся и тише...
Снова снегами огрѐб
тысяче-
миллионно-крыший
волжских селений гроб.
Трубы -
гробовые свечи.
Даже в_о_роны
исчезают,
чуя,
что, дымясь,
тянется
слащавый,
тошнотворный
дух
зажариваемых мяс
Сына?
Отца?
Матери?

Дочери?
Чья?!
Чья в людоедчестве очередь?!

Помощи не будет!
Отрезаны снегами.
Помощи не будет!
Воздух пуст.
Помощи не будет!
Под ногами
даже глина сожрана,
даже куст.

Нет,
не помогут!
Надо сдаваться.
В 10 губерний могилу вымеряйте!
Двадцать
миллионов!
Двадцать!
Ложитесь!
Вымрите!..

Только одна,
осипшим голосом,
сумасшедшие проклятия метелями меля,
рек,
дорог снеговые волосы
ветром рвя, рыдает земля.

Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!

Сам смотрящий смерть воочию,

еле едящий,
только б не сдох, -
тянет город руку рабочую
горстью сухих крох.

"Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!"
Радио ревет за все границы.
И в ответ
за нелепицей нелепица
сыплется в газетные страницы.

"Лондон.
Банкет.
Присутствие короля и королевы.
Жрущих - не вместишь в раззолоченные
хлевы".

Будьте прокляты!
Пусть
за вашей головою венчанной
из колоний
дикари придут,
питаемые человечиной!
Пусть
горят над королевством
бунтов зарева!
Пусть
столицы ваши
будут выжжены дотла!
Пусть из наследников,
из наследниц варево
варится в коронах-котлах!

"Париж.

Собрались парламентарии.
Доклад о голоде.
Фритиоф Нансен.
С улыбкой слушали.
Будто соловьиные арии.
Будто тенора слушали в модном романсе".

Будьте прокляты!
Пусть
во веки
вам
не слышать речи человеческой!
Пролетарий французский!
Эй,
стягивай петлею вместо речи
толщ непроходимых шей!

"Вашингтон.
Фермеры,
доевшие,
допившие
до того,
что лебедками подымают пузы,
в океане
пшеницу
от излишества топившие, -
топят паровозы грузом кукурузы".

Будьте прокляты!
Пусть
ваши улицы
бунтом будут запружены.
Выбрав
место, где более больно,
пусть

по Америке -
по Северной,
по Южной -
гонят
брюх ваших
мячище футбольный!

"Берлин.
Оживает эмиграция.
Банды радуются:
с голодными драться им
По Берлину,
закручивая усики,
ходят,
хвастаются:
- Патриот!
Русский! -"

Будьте прокляты!
Вечное "вон!" им!
Всех отвращая иудым видом,
французского золота преследуемые звоном,
скитайтесь чужбинами Вечным жидом!
Леса российские,
соберитесь все!
Выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний
вечно висел,
под самым небом качался, синий.

"Москва.
Жалоба сборщицы:
в "Ампирах" морщатся
или дадут
тридцатирублевку,

вышедшую из употребления в 1918 году".

Будьте прокляты!
Пусть будет так,
чтоб каждый проглоченный
глоток
желудок жёг!
Чтоб ножницами оборачивался бифштекс
сочный,
вспарывая стенки кишок!

Вымрет.
Вымрет 20 миллионов человек!
Именем всех упокоенных тут -
проклятие отныне,
проклятие вовек
от Волги отвернувшим морд толстоту.
Это слово не к жирному пузу,
это слово не к царскому трону, -
в сердце таком
слова ничего не тронул
трогают их революций штыком.

Вам,
несметной армии частицам малым,
порох мира,
силой чьей,
силой,
брошенной по всем подвалам,
будет взорван
мир несметных богачей!
Вам! Вам! Вам!
Эти слова вот!
Цифрами верстовыми,
вмещающимися едва,

запишите Волгу буржуазии в счет!

Будет день!
Пожар всехсветный,
чистящий и чадный.
Выворачивая богачей палаты,
будьте так же,
так же беспощадны
в этот час расплаты!

1922

Нате

Через час отсюда в чистый переулочек
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулочек,
я - бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озверевает, будет тереться,
ощетинит ножки стоголовая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется -и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я - бесценных слов транжир и мот.

1913

Владимир Семенович Высоцкий
1938 – 1980

Пожары

Пожары над страной все выше, жарче, веселей,
Их отблески плясали - два притопа, три прихлопа,
Но вот Судьба и Время пересели на коней,
А там - в галоп, под пули в лоб,-
И мир ударило в озноб
От этого галопа.

Шальные пули злы, слепы и бестолковы,
А мы летели вскачь - они за нами влет.
Расковывались кони, и горячие подковы
Летели в пыль на счастье тем, кто их потом найдет.

Увертливы поводья, словно угри,
И спутаны и волосы и мысли на бегу,
А ветер дул - и расправлял нам кудри,
И расплетал извилины в мозгу.

Ни бегство от огня, ни страх погони ни при чем,
А Время подскакало, и Фортуна улыбалась,
И сабли седоков скрестились с солнечным лучом,-
Седок - поэт, а конь - пегас.
Пожар померк, потом погас,
А скачка разгоралась.

Еще не видел свет подобного аллюра, -
Копыта били дробь, трезвонила капель.
Помешанная на крови слепая пуля-дура
Прозрела, поумнела вдруг и чаще была в цель.

И кто кого - азартней перепляса,

И кто скорее - в этой скачке опоздавших нет,
А ветер дул, с костей сдувая мясо
И радуя прохладой скелет.

Удача впереди и исцеление больным,
Впервые скачет Время напрямую - не по кругу,
Обещанное "завтра" будет горьким и хмельным.
Легко скакать, врага видать,
И друга тоже - благодать!
Судьба летит по лугу!

Доверчивую Смерть вокруг пальца обернули -
Замешкалась она, забыв махнуть косою,-
Уже не догоняли нас и отставали пули...
Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?
Пел ветер все печальнее и глуше,
Навылет Время ранено, досталось и Судьбе.
Ветра и кони, и тела и души
Убитых выносили на себе.

Беда

Я несла свою беду
По весеннему по льду.
Надломился лед, душа оборвалась.
Камнем под воду пошла,
А беда - хоть тяжела -
А за острые края задержалась.

И беда с того вот дня
Ищет по свету меня,
Слухи ходят вместе с ней, с кривотолками.
А что я не умерла,
Знала голая земля
Да еще перепела с перепелками.

Кто из них сказал ему,
Господину моему,
Только выдали меня, проболталися.
И, от страсти сам не свой,
Он отправился за мной,
А за ним беда с молвой привязалися.

Он настиг меня, догнал,
Обнял, на руки поднял.
Рядом с ним в седле беда ухмылялася.
Но остаться он не мог,
Был всего один денек,
А беда на вечный срок задержалася.

Кондратий Федорович Рылеев и
Александр Александрович Бестужев
1795 – 1826 и 1797 – 1837

Ах, тошно мне

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Всё в неволе,
В тяжелой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

По две шкуры с нас дерут,
Мы посеем - они жнут,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в привольи,
На раздольи

Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде,
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати
За бумагу,
За отвагу -
Ты за всё про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша:
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь:
То дороги,

То налоги
Разорили нас вконец.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко.
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

1824

Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин
1802 – 1865

Лиса-секретарь

Лев приказание однажды дал лисице,
Законы толковать великой мастерице,
Скорее написать о том,
Чтоб длиннохвостые из царства вышли вон.
Лисица принялася,
И ну писать!
И титул и число исправно написала,
А там и стала.
Верть так и сяк хвостом, не знает – что начать.
В законе-то она хоть толк довольно знала,
Да с ней случилась беда:
Когда бы не было у ней самой хвоста,
Тогда б другое дело.
Однакож хитростью она кой-как успела –
И снова за письмо на цыпочках присела,
И тут уж – ну валять...
В минуту кончила, кой-что переменяла:
Не хвост в наказ – рога вклеила
И подвела такой закон,
Чтобы рогатых выгнать вон.
Лев на лисицу полагался.
Уж дело предо львом,
А секретарь в чести – так дело и с концом:
Махнул и подписался.
Лисица в стороне; а бедные козлы,
Быки, бараны и волы
Принуждены от леса отказаться
И от скотов скорее убираться.
1817

Волк и две лисицы

Две хитрые лисицы у мужика
Вдвоем стянули петуха;
Но ж, тут нечему дивиться:
Ведь надо чем-нибудь лисицам поживиться.
Да вот беда,
Как дело то дошло до дележа;
А уж когда делят, не только у лисиц –
И у людей бывают споры,
И брань, и ненависть, и драка, и раздоры.
Кусочек каждая из этих двух лисиц,
Кусочек пожирней, побольше взять хотела
И, словом, каждая про свой желудок пела.
Повздорили они петухе,
Но проку кумушки не сделали себе,
А дело чтоб привести к кону, пошли к судье.
Волк был тогда судьей,
Который наблюдал прибыток больше свой –
И только что пришли, перед судьей стали,
Он тотчас закричал, чтоб петуха подали.
Лишь взял – и тотчас съел,
А кумушкам в ответ идти назад велел.

.....

Николай Иванович Тургенев
1818 – 1883

* * *

Приди, о Истина, и поселись меж нами,
Приди, искорени вгнездившийся порок,
Соделай, чтоб враги нам сделались друзьями
И чтоб невинного не гнал уж боле рок.
Соделай, чтобы ложь, вражда и суеверство
Попраны были в прах, истреблены навек
И чтоб начало зол, несродно смертным зверство,
Чтоб Фанатизм погиб - и счастлив человек!
1807

Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг)
1880- 1932

Стилисты

На последние полушки
Покупая безделушки,
Чтоб свалить их в Петербурге
В ящик старого стола, -

У поддельных ваз этрусских
Я нашел двух бравых русских,
Зычно спорящих друг с другом,
Тыча в бронзу пятерней:

"Эти вазы, милый Филя,
Ионического стиля!"
- "Брось, Петруша! Стиль дорийский
Слишком явно в них сквозит..."

Я взглянул: лицо у Фили
Было пробкового стиля,
А из галстука Петруши
Бил в глаза армейский стиль.

Пряник

Как-то, сидя у ворот,
Я жевал пшеничный хлеб,
А крестьянский мальчик Глеб
Не дыша, смотрел мне в рот.

Вдруг он буркнул, глядя в бок:
"Дай-кась толичко и мне!"
Я отрезал на бревне
Основательный кусок.

Превосходный аппетит!
Вмиг крестьянский мальчик Глеб,
Как акула, съел свой хлеб
И опять мне в рот глядит.

"Вкусно?" мальчик просиял:
"Быдто пряник! Дай ищо!"
Я ответил: "Хорошо",
Робко сжался и завял...

Пряник?.. Этот белый хлеб
Из пшеницы мужика -
Нынче за два пятака
Твой отец мне продал, Глеб.

1910

Школа им. А.М. Горчакова

«Мы живём, под собою не чуя страны...»

Поэтический сборник

Составитель Никита Монченко

«Мы живём, под собою не чуя страны»

«Мы живём, под собою не чуя страны...» Эти строки из стихотворения О.Мандельштама отражают одну из сторон проблемы взаимоотношений личности и государства – темы, которая объединяет стихи моего сборника. Чем же вызвана эта подчас неразрешимая проблема, волновавшая людей во все времена? Видимо, в её корне лежит то, что государство должно думать о благе страны, а личность – о душевном благе, о свободе и т.п. Как пишет М.Волошин, «государство явилось средоточьем кустарного, рассеянного зла...», в котором значение человеческой личности сведено до уровня «пищеварительных бактерий» в «огромном бронированном желудке». Стремясь к достижению своих целей, власть зачастую пренебрегает интересами человека, а порой и его жизнью. В периоды потрясений, революций, кризисов, напряжённой для страны ситуации интересы личности начинают ущемляться с наибольшей силой, что ведет к обострению конфликта между личностью и властью, государством. Пушкин сравнивал поэта с эхом, откликающимся на всякий звук, наверное, поэтому этой проблеме посвящено большое количество стихов. Поэты боролись с «закручиванием гаек», часто погибая под напором «государственной машины». Тема эта была актуальна во все времена, поэтому в сборник вошли стихи поэтов разных времен – от начала XIX до конца XX века.

Несмотря на обилие стихов на эту тему в XIX в., особенно остро данная проблема встала в поэзии XX века в связи с неизвестными историческими событиями: революцией, сталинскими репрессиями. В своих стихах поэты выражали самое разное отношение к данной проблеме. Одни выражали своё презрение к государству, другие восхищались им и были готовы служить ему, хотя таковых было очень много. Тема, окропленная кровью многих людей, не могла исчезнуть бесследно, и, видимо, поэтому она стала столь популярной в творчестве поэтов.

В сборник вошли стихотворения Н. И. Тургенева, В. Ф. Раевского, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова, А. Жемчужникова, В. В. Маяковского, З. Гиппиус, М. Волошина, А. А. Ахматовой, О. Мандельштам, М. И. Цветаевой, А. Галича, Д. Самойлова.

Никита Монченко

Н.И.Тургенев
1789 – 1871

***

Приди, о Истина, и поселись меж нами,
Приди, искорени вгнездившийся порок,
Соделай, чтоб враги нам сделались друзьями
И чтоб невинного не гнал уж боле рок.
Соделай, чтобы ложь, вражда и суеверство
Попраны¹ были в прах, истреблены навек
И чтоб начало зол, несродно смертным зверство,
Чтоб Фанатизм погиб – и счастлив человек!
1807

---

¹ Попрать – уничтожить, грубо нарушить.
242

В.Ф.Раевский
1795 – 1872

ГЛАС ПРАВДЫ

Сатурн¹ губительной рукою
Изгладит зданья городов.
Дела героев, мудрецов
Туманною покрое тьмою,
Иссушит глубину морей.
Воздвигнет горы средь степей,
И любопытный взор потомков
Не тщетно ль будет вопрошать:
Где царства падшие искать
Среди рассеянных обломков?..
Где ж узрит он твой бранный прах.
Сын персти² слабый и надменный?
Куда с толпою, дерзновенный.
Неся с собою смерть и страх,
По трупам братьев убиенных.
Среди полей опустошенных,
Ты вслед стремился за мечтой
И пал!.. Где ж лавр побед и славы?
Я зрю вокруг следы кровавы
И глас проклятий за тобой!..
Полмертвый слабый сибарит³,
Мечтой тщеславия вспоенный
И жизнью рано пресыщенный.
Средь общих бедствий в неге⁴ спит.
Проснись, сын счастья развращенный!
Взгляни на жребий уреченный⁵:
Тебя предвременно зовет
Ко гробу смерти глас унылый.
Никто над мрачною могилой

---

¹ Сатурн – здесь: один из самых древних римских богов, олицетворяющий всепожирающее время

² Персть – земной прах, пыль.

³ Сибарит – человек, живущий в роскоши, удовольствиях и праздности.

⁴ Нега – состояние полного удовлетворения, наслаждение.

⁵ Уреченный – условленный, уговоренный, предназначенный.

Слезы сердечной не прольет.
Вельможа, друг царя надежный,
Личины истины самой
Покрыл порок корысти злой,
Питая дух вражды мятежной.
Каких ты ждешь себе наград?
Тебе награда - страшный ад;
Народ, цепями отягченный,
Ждет с воплем гибели твоей.
Голодных добыча червей,
Брось взор ко гробу уstraшенный...
Тиран, как гордый дуб, упал,
Перуном в ярости сраженный,
И свет, колеблясь, изумленный
С невольной радостью взирал,
Как шаткие менялись троны,
Как вдруг свободу и законы
Давал монарх - граждан отец
И цепи рабства рвал не силой,
Тебя ждет слава за могилой,
Любовь детей - тебе венец!

1814 или 1815

А.С.Пушкин

1799 – 1837

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица¹!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного Галла²,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;

¹ Цитера – остров в Критском море, на котором находился храм Венеры. «Цитеры слабая царица...» – богиня любви, Венера или Афродита.

² Имеется в виду французский поэт и политический деятель Андре Шенье, сторонник конституционных реформ, выступавший против террора и казненный якобинцами во время Французской революции.

Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О, мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик¹
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира. . . .
И се – злодейская порфира²
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает,
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец³ –

И слышит Клии⁴ страшный глас
За сими страшными стенами,

¹ Имеется в виду Людовик XVI, низложенный во время Великой Французской революции в 1792 году, казненный по решению суда на гильотине.

² Порфира – верхняя торжественная одежда государей, широкий и длинный плащ багряного шелка, подбитый хвостатым горностаем.

³ Михайловский замок в Санкт-Петербурге, далее описывается убийство Павла I.

⁴ Клио – муза истории в древнегреческой мифологии.

Калигулы¹ последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата открыты в тьме ночной
Рукой предательства наемной....
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары²!...
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь³ учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

1817

¹ Калигула – римский император, известный своей жестокостью, убитый в результате заговора.

² Янычары – регулярная пехота Османской империи, позднее стали символом жестокости.

³ Днесь – (устар., поэт.) теперь, сегодня.

Ф.И.Тютчев

1803 - 1873

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея¹ —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень Божий, ниспадали
На чела бедные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рождён!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награждён!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою,
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820?

¹ Алцей – Алкей (конец VII—VI вв. до н. э.) – древнегреческий лирик.

М. Ю. Лермонтов
1814 – 1841

***

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые¹,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей²,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

1841

¹ Мундиры голубые - жандармы

² Паша – высокий титул в Османской империи. *Здесь*: царские жандармы

Алексей Жемчужников
1821 – 1908

Сказка о живых мертвецах

Граждане – по чину, по навыку в службе – витии¹,
Два зрелые мужа судили о благе России,
И так были плавны, умны и блестящи их речи,
Как будто они говорили на вече.

По мнению их – "общество станет на прочных основах
При старых началах с прибавкою к оным из новых
И с тем, чтобы к знанию законов и догматов веры
Немедля принять надлежащие меры...

Чтоб не был начальник источником зол и напасти,
В народе потребно развить уважение к власти;
Полезно бы ложь и пороки преследовать гласно,-
Но так, чтобы не было это опасно.

Потом, без сомненья, появятся с помощью бога
В чиновниках честность, в бумагах изящество слога,
И общее будет тогда благоденствие близко -
Когда сократится в судах переписка.

Лишь долгая опытность в службе и практика в жизни
Помогут устройству порядка в любимой отчизне;
Стремленья ж людей молодых хоть разумны и
честны,-
Но в деле столь важном совсем неуместны!.."

Они продолжали еще излагать свои мнения,
Как прямо пред ними явилось вдруг привиденье...
Их волосы дыбом... дрожащие подняты длани...
Прилипнул язык онемевший к гортани!..

¹ Витии – ораторы, изощренные в красноречии.

Из каждой страны
за рабом раба
бросают на сталь штыка.
За что?
Дрожит земля
голодна,
раздета.
Выпарили человечество кровавой баней
только для того,
чтоб кто-то
где-то
разжился Албанией.
Сцепилась злость человеческих свор,
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.
Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию,
Во имя чего
сапог
землю растаптывает скрипящ и груб?
Кто над небом боев -
свобода?
бог?
Рубль!
Когда же встанешь во весь свой рост
ты,
отдающий жизнь свою им?
Когда же в лицо им бросишь вопрос:
за что воюем?

1917

Ода революции

Тебе,
освищенная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъявленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
"О"!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двуликая?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеянному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборы
тщетно возносит, пощаду моля,-
твоих шестидюймовок тупорылые боры
взрывают тысячелетия Кремля.
"Слава".
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.

Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
- о, будь ты проклята трижды!-
и мое,
поэтово
- о, четырежды славься, благословенная!

1918

О дряни

Слава. Слава, Слава героям!!!
Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тинной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
мое славословие.)
Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменяв,
и засели во все учреждения.
Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спальни.
И вечером
та или иная мразь,
на жену.

за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморюсь:
"Товарищ Надя!
К празднику прибавка -
24 тыщи.
Тариф.
Эх, заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф!"
А Надя:
"И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
сегодня
буду фигурять я
на балу в Реввоенсовете?!"
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На "Известиях" лежа, котенок греется.
А из-под потолочка
верещала
оголтелая канареица.
Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:
"Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните -
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!"

1920-1921

Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе

Сапоги почистить — 1 000 000.
Состояние!

Раньше б дом купил —
и даже неплохой.

Привыкли к миллионам.
Даже до луны расстояние
советскому жителю кажется чепухой.

Дернул меня черт
писать один отчет.
«Что это такое?» —
спрашивает с тоскою
машинистка.
Ну, что отвечу ей?!
Черт его знает, что это такое,
если сзади
у него
тридцать семь нулей.
Недавно уверяла одна дура,
что у нее
тридцать девять тысяч семь сотых температура.
Так привыкли к таким числам,
что меньше сажени число и не мыслим.
И нам,
если мы на митинге реведем,
рамки арифметики, разумеется, узки —
все разрешаем в масштабе мировом.
В крайнем случае — масштаб общерусский.
«Электрификация?!» — масштаб всероссийский.

«Чистка!» — во всероссийском масштабе.
Кто-то
даже,
чтоб избежать переписки,
предлагал —
сквозь землю
до Вашингтона кабель.

Иду.
Мясницкая.
Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сзади с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;
то грузовик обдаст,
то лошадь,
Балансируя
— четырехлетний навык! —
тащусь меж канавищ,
канав,
канавок.
И то
— на лету вспоминая маму —
с размаху
у почтамта
плюхаюсь в яму.
На меня тележка.
На тележку баба.
В грязи ворочаемся с боку на бок.
Что бабе масштаб грандиозный наш?!
Бабе грязью обдало рыло,
и баба,

взбираясь с этажа на этаж,
сверху
и меня
и власти крыла.
Правдив и свободен мой вещей язык
и с волей советскою дружен,
но, натолкнувшись на эти низы,
даже я запнулся, сконфужен.
Я
на сложных агитвопросах рос,
а вот
не могу объяснить бабе,
почему это
о грязи
на Мясницкой
вопрос
никто не решает в общемясницком масштабе?!

З.Н.Гиппиус
1869 – 1945

Сейчас

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно - жить!

Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель¹ - пути...

1917

¹ Викжель - ВИКЖЕЛЬ, Всероссийский исполнительный комитет
железнодорожного профсоюза
262

Максимилиан Волошин
1877 – 1932

Русская революция

Во имя грозного закона
Братоубийственной войны
И воспаленны, и красны
Пылают гневные знамена.

Но жизнь и русская судьба
Смешала клички, стерла грани:
Наш "пролетарий" - гольтьба,
А наши "буржуа" - мещане.
А грозный демон "Капитал" -
Властитель фабрик. Князь заботы,
Сущность отстоенной работы,
Преображенная в кристалл, -
Был нам неведом:

нерадивы

И нищи средь богатств земли,
Мы чрез столетья пронесли,
Сохою ковыряя нивы,
К земле нежадную любовь...
России душу омрачая,
Враждуют призраки, но кровь
Из ран ее течет живая.

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Ее погибельные тропы.
Пусть бунт наш - бред, пусть дом наш пуст,
Пусть боль от наших ран не наша,
Но да не минет эта чаша
Чужих страданий - наших уст.
И если встали между нами
Все бреды будущих времен -

Мы всё же грезим русский сон
 Под чуждыми нам именами.
 Тончайшей изо всех зараз,
 Мечтой врачует мир Россия -
 Ты, погибавшая не раз
 И воскресавшая стихия.

Как некогда святой Франциск
 Видал: разверзся солнца диск
 И пясти рук и ног Распятый
 Ему лучом пронзил трикраты -
 Так ты в молитвах приняла
 Чужих страстей, чужого зла
 Кровоточащие стигматы¹.

1919

Государство

1

Из совокупности
 Избытков, скоростей,
 Машин и жадности
 Возникло государство.
 Гражданство было крепостью, мечом,
 Законом и согласием. Государство
 Явилось средоточьем
 Кустарного, рассеянного зла:
 Огромным бронированным желудком,
 В котором люди исполняют роль
 Пищеварительных бактерий. Здесь
 Все строится на выгоде и пользе,
 На выживание приспособленных,
 На силе.

¹ Стигматы — болезненные кровоточащие раны, открывающиеся на теле отдельных католических подвижников на тех участках тела, на которых предположительно располагались раны распятого Христа.

Его мораль - здоровый эгоизм.
 Цель бытия - процесс пищеварения.
 Мерило же культуры - чистота
 Отхожих мест и емкость испражнений.

2

Древнейшая
 Из государственных регалий
 Есть производство крови.
 Судья, как исполнитель Каиновых функций,
 Непогрешим и неприкосновенен.
 Убийца без патента не преступник,
 А конкурент:
 Ему пощады нет.
 Кустарный промысел недопустим
 В пределах монопольного хозяйства.

3

Из всех насилий,
 Творимых человеком над людьми,
 Убийство - наименьшее,
 Тягчайшее же - воспитанье.
 Правители не могут
 Убить своих наследников, но каждый
 Стремится исковеркать их судьбу:
 В ребенке с детства зреет узурпатор,
 Который должен быть
 Заране укрошен.
 Смысл воспитанья -
 Самозащита взрослых от детей.
 Поэтому за рангом палачей
 Идет ученый Комитет
 Компрачикосов¹,

¹ Компрачикосы – в Испании, Англии, Германии, Франции XIII–XVIII веков организованные преступные сообщества, состоявшие в основном из контрабандистов, бродяг и нищих. Компрачикосы вели торговлю детьми. Они покупали или похищали детей, а затем перепродавали, делая из них шутов, акробатов и т. п. Иногда они перед продажей детей намеренно уродовали, делая из них карликов, горбунов или пожизненных обладателей уродливых масок, забавлявших придворную знать в XVII–XVIII вв.

Искусных в производстве
Обеззараженных
Кастрированных граждан.

4

Фиск¹ есть грабеж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретения.
Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете
И на кредитном знаке герб страны
Есть то же самое, что оттиск пальцев
На антропометрическом листке:
Расписка в преступлении.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,
Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники - одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного -
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступлению.

¹ Фиск – государственная казна, совокупность финансовых ресурсов государства.

Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное -
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности
И вкусы и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды:
Может спорить,
Шуметь в собраниях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак, -
Из патентованных наркотиков
Газета
Есть самый сильнодействующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

7

В нормальном государстве вне закона

Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами,
В чем,
По существу, нет разницы.
Но каждый
Дорвавшийся до власти сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив убийц,
Так революция,
Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие¹ гарроты²
Сжимает туже шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции³, доносы и террор -
Вот достижения
И гений революций!

1922

¹ Огорлие – ошейник; ожерелье; что обнимает горло, шею.

² Гаррота – орудие казни для удушения человека.

³ Проскрипции – в Древнем Риме списки лиц, объявленных вне закона. За выдачу или убийство включенного в списки назначалась награда, за укрывательство – казнь. Имущество подвергшегося проскрипции конфисковывалось, его потомки лишались почетных прав и состояния. Появились в период заката республики (I в. до н.э.) и широко применялись диктаторами как средство массового террора против политических противников и для личного обогащения.

А.Ахматова
1889 – 1966

***

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,-

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

1921

ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНА

Это те, что кричали: «Варраву¹!
Отпусти нам для праздника...», те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

1962?

О. Мандельштам
1891 – 1938

***

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него - то малина
И широкая грудь осетина.

1933

¹ Варрава – персонаж Евангелий, один из разбойников, судимый одновременно с Иисусом. Был помилован по требованию толпы.

Что, обратно быть беде.
И явились в Колокольный
Трое из НКВД,

А забрали,
Б забрали,
И забрали и т.д.

Через десять лет зимой
А и Б пришли домой,
И домой вернулось тоже,
Все сказали: "Боже мой!"

Пару лет в покое шатком
Проживали А, И, Б.
Но явились трое в штатском
На машине КГБ –
Всех троих они забрали, обозвали всех на "б".

А - пропало навсегда,
Б - пропало навсегда,
И - пропало навсегда,
Навсегда и без следа!

Вот, дети, у этих букв какая вышла
в жизни чехарда!

1968

Д.Самойлов
1920 – 1990

***

Быть выше спора наций и племён,
А родину любить всего превыше,
За всё, чем ею щедро оделён –
За нашу речь – за смысл её и звон,
Всё прочее от сердца отдаливши.

Прощая злость, я злобу не беру
В расчёт – она создание нищих духом,
Язык тоскующих по серебру,
О нет, я не вступаю в их игру –
И если болен, то не их недугом.

1972

Демократия в России

Трудна в России демократия.
Не тем, что мнений разнбой.
А тем, что возмечтала шатия¹
Вести Россию за собой.
Ложь убедительнее истины.
Для тех, кто ждет, разинув рот.
О том, что те пути убийственны.
Узнаем позже, в свой черед.

1989

«Любить иных – тяжёлый крест...»

Поэтический сборник

Составитель Руслан Пахолков

---

¹ Шатия – компания, группа людей (обычно ведущих себя недостойно, предосудительно).

«Любить иных – тяжёлый крест...»

Когда я начинал задаваться вопросом, какую тему для сборника мне выбрать, у меня было много вариантов, но все они были неяркими, неживыми, а любовь всегда жива, и в ней очень много красок. Можно выделить два типа любви: любовь между родственниками и друзьями и любовь между мужчиной и женщиной.

Любовь между родственниками и друзьями, я думаю, это чувство искреннее, радостное, но не головокружительное... Мне кажется, что любовь к родственникам прививается с детства, потому что так заложено в природе. Что касается любви между друзьями, то тут дело обстоит совсем по-другому. Любовь между друзьями измеряется временем. И, как мне кажется, в данном случае она может быть головокружительна.

А вот что касается влюбленных, то первая любовь всегда головокружительная и необычная. Мне кажется, можно сказать, что это чувство новое. И многие люди, которые находятся в этом головокружительном состоянии, идут на невиданные поступки, чтобы добиться взаимности. Я поместил в сборник стихотворения о любви между мужчиной и женщиной. Любовь – это очень приятное и обширное чувство, которое испытывают не все люди. И если человек нашёл эту самую любовь, значит двумя счастливыми на земле стало больше.

В сборник вошли стихотворения А.С.Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Б. Пастернака, А.Ахматовой, А. Вознесенского, А. Тарковского, И.С. Тургенева, Д.Самойлова, А.А.Фета, Г.Державина.

Руслан Пахолков

А.С. Пушкин

(1799-1837)

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

А.С. Пушкин

(1799-1837)

Я вас люблю, - хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, - я зеваю;
При вас мне грустно, - я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, - мне отрада;
Вы отвернетесь, - мне тоска;
За день мучения - награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,

Глаза и кудри опустья, -
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье.
Вы собираетесь в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

А.С. Пушкин
(1799-1837)

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,

Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь.
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

М.Ю. Лермонтов
(1814-1841)

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилён он;
Другим предавшись мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный - всё храм,
Кумир поверженный - всё бог!

М.Ю. Лермонтов
(1814-1841)

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали

И на море туман густел;
 Удар с усилием промчался
 И вдруг за бездною скончался.
 Окончив труд дневных работ,
 Я часто о тебе мечтаю,
 Бродя вблизи пустынных вод,
 Вечерним выстрелам внимаю.
 И между тем как чередой
 Глушит волнами их седыми,
 Я плачу, я томим тоской,
 Я умереть желаю с ними...

Б.Пастернак
 (1890-1960)
Зимняя ночь

Мело, мело по всей земле
 Во все пределы.
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.

Как летом роем мошкара
 Летит на пламя,
 Слетались хлопья со двора
 К оконной раме.

Метель лепила на стекле
 Кружки и стрелы.
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.

На озаренный потолок
 Ложились тени,
 Скрещенья рук, скрещенья ног,
 Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
 Со стуком на пол,
 И воск слезами с ночника
 На платье капал.

И все терялось в снежной мгле
 Седой и белой.
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
 И жар соблазна
 Вздымал, как ангел, два крыла
 Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
 И то и дело
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.

Б.Пастернак
 (1890-1960)

Любить иных тяжелый крест,
 А ты прекрасна без извилин,
 И прелести твоей секрет
 Разгадке жизни равносителен.

Весною слышен шорох снов
 И шелест новостей и истин.
 Ты из семьи таких основ.
 Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
 Словесный сор из сердца вытрясть

И жить, не засоряясь впредь.
Все это — не большая хитрость.

А. Ахматова
(1889-1966)

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!»
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?

А. Вознесенский
(1933-2010)

В человеческом организме
Девяносто процентов воды,
Как, наверное, в Паганини,
Девяносто процентов любви.

Даже если - как исключение -
Вас растаптывает толпа,
В человеческом назначении -
Девяносто процентов добра.

Девяносто процентов музыки,
Даже если она беда,
Так во мне, несмотря на мусор,
Девяносто процентов тебя.

А. Тарковский
(1932-1986)

А все-таки я не истец,
Меня и на земле кормили:
- Налей ему прокисших щец,
Остатки на помойку вылей.

Всему свой срок и свой конец,
А все-таки меня любили:
Одна: - Прощай! - и под венец,
Другая крепко спит в могиле,

А третья у чужих сердец
По малой капле слез и смеха
Берет и складывает эхо,
И я должник, а не истец.

М. Волошин
Любовь твоя жаждет так много
Любовь твоя жаждет так много,
Рыдая, прося, упрекая...
Люби его молча и строго,
Люби его, медленно тая.

Свети ему пламенем белым -
Бездымно, безгрустно, безвольно.
Люби его радостно телом,
А сердцем люби его больно.

Пусть призрак, творимый любовью,
Лица не заслонит иного,-
Люби его с плотью и кровью -
Простого, живого, земного...

Храня его знак суеверно,
Не бойся врага в иноверце...
Люби его метко и верно -
Люби его в самое сердце!

И.С.Тургенев
(1818-1883)

Любовь

Все говорят: любовь — самое высокое, самое неземное чувство.
Чужое я внедрилось в твое: ты расширен — и ты нарушен; ты
только теперь зажил<?> и твое я умерщвлено. Но человека с
плотью и кровью возмущает даже такая смерть... Воскресают одни
бессмертные боги...

Д. Самойлов
(1920-1990)

Купальщица

Когда бежит через лиловый полдень
Купальщица, ее волнистый бег
Невольным обещанием исполнен
Беспечных радостей и сладких нег.

И вот она уже вступает в волны
И исчезает вдалеке. Она -
Почти как речь поэзии условна
И как язык печали солона.

А.А. Фет
(1820-1892)

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...

Чаще всего мне приятно скользить по заливу
Так - забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, -
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь каждой весною
С протянутой шеей летает вокруг
И садится с размаха
На тихие воды.

Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и позднею ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья,
Он не молкнет, поет
Всё громче и громче.

Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это - жизнь или сон?
Счастлив я или только обманут?

Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И на небе ясном высоко сверкает зарница

Г.Державин
(1743-1816)
Рождение любви

Опоясанна цветами
Сходит к нам с небес Весна,
И младыми красотами
Улыбается она.
Улыбнулась — и явились
Розы и лилеи в свет,
Благовонья оживились,
Возблистал на листьях мед,
И по рощам разгласилось
Хохотаньем эхо вновь;
Радость, счастье водворилось:
Нам родилась Любовь!

***«Тяжела ты любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть»***

Поэтический сборник

Составитель Никита Семенов

**«Тяжела ты любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть»**

Я выбрал тему любви, потому что поэты в своих любовных стихотворениях полностью раскрывают свои чувства.

Любовное стихотворение надо читать искренне. Надо почувствовать эту любовь.

Мое самое любимое – стихотворение Андрея Вознесенского «Сага». Там только грусть, вся печаль, которая приходит с любовью. Но ведь с любовью приходит и радость, и она окрыляет людей.

В сборник вошли стихотворения Марины Цветаевой, Владимира Высоцкого, Дениса Давыдова, М. Ю. Лермонтова, Анны Ахматовой, А. С. Пушкина, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Николая Гумилева.

Никита Семенов

Марина Цветаева

***

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной -
Распущенной - и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.
Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью - всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!
Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня - не зная сами! -
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами,-
За то, что вы больны - увы! - не мной,
За то, что я больна - увы! - не вами!

Владимир Высоцкий

Баллада о любви

Когда вода Всемирного потопа
 Вернулась вновь в границы берегов,
 Из пены уходящего потока
 На берег тихо выбралась Любовь -
 И растворилась в воздухе до срока,
 А срока было - сорок сороков...
 И чудачки - еще такие есть -
 Вдыхают полной грудью эту смесь,
 И ни наград не ждут, ни наказанья, -
 И, думая, что дышат просто так,
 Они внезапно попадают в такт
 Такого же - неровного - дыханья.
 Я поля влюбленным постелю -
 Пусть поют во сне и наяву!..
 Я дышу, и значит - я люблю!
 Я люблю, и значит - я живу!
 И много будет странствий и скитаний:
 Страна Любви - великая страна!
 И с рыцарей своих - для испытаний -
 Все строже станет спрашивать она:
 Потребуется разлук и расстояний,
 Лишит покоя, отдыха и сна...
 Но вспять безумцев не поворотить -
 Они уже согласны заплатить:
 Любой ценой - и жизнью бы рискнули, -
 Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
 Волшебную невидимую нить,
 Которую меж ними протянули.
 Я поля влюбленным постелю -
 Пусть поют во сне и наяву!..
 Я дышу, и значит - я люблю!

Я люблю, и значит - я живу!
 Но многих захлебнувшихся любовью
 Не докричишься - сколько не зови, -
 Им счет ведут молва и пустословье,
 Но этот счет замешан на крови.
 А мы поставим свечи в изголовье
 Погибших от невиданной любви...
 И душам их дано бродить в цветах,
 Их голосам дано сливаться в такт,
 И вечностью дышать в одно дыханье,
 И встретиться - со вздохом на устах -
 На хрупких переправах и мостах,
 На узких перекрестках мирозданья.
 Свежий ветер избранных пьянил,
 С ног сбивал, из мертвых воскрешал, -
 Потому что если не любил -
 Значит, и не жил, и не дышал!

Красивых любят чаще и прилежней

Красивых любят чаще и прилежней,
 Веселых любят меньше, но быстрее, -
 И молчаливых любят, только реже,
 Зато уж если любят, то сильнее.
 Не кричи нежных слов, не кричи,
 До поры поддержи их в неволе, -
 Пусть кричат пароходы в ночи,
 Ну а ты промолчи, промолчи, -
 Пospешишь - и ищи ветра в поле.
 Она читает грустные романы, -
 Ну пусть сравнит, и ты доверься ей, -
 Ведь появились черные тюльпаны -
 Чтобы казались белые белей.

Не кричи нежных слов, не кричи,
 До поры поддержи их в неволе, -
 Пусть кричат пароходы в ночи,
 Ну а ты промолчи, промолчи, -
 Поспешишь - и ищи ветра в поле.
 Слова бегут, им тесно - ну и что же! -
 Ты никогда не бойся опоздать.
 Их много - слов, но все же если можешь -
 Скажи, когда не можешь не сказать.
 Не кричи нежных слов, не кричи,
 До поры поддержи их в неволе, -
 Пусть кричат пароходы в ночи,
 Ну а ты промолчи, промолчи, -
 Поспешишь - и ищи ветра в поле.

***

Люблю тебя сейчас
 Не тайно - напоказ.
 Не "после" и не "до" в лучах твоих сгораю.
 Навзрыд или смеясь,
 Но я люблю сейчас,
 А в прошлом - не хочу, а в будущем - не знаю.
 В прошедшем "я любил" -
 Печальнее могил, -
 Все нежное во мне бескрылит и стреножит,
 Хотя поэт поэтов говорил:
 "Я вас любил, любовь еще, быть может..."
 Так говорят о брошенном, отцветшем -
 И в этом жалость есть и снисходительность,
 Как к свергнутому с трона королю.
 Есть в этом сожаленье об ушедшем
 Стремленьи, где утеряна стремительность,
 И как бы недоверье к "я люблю".
 Люблю тебя теперь
 Без мер и без потерь,

Мой век стоит сейчас -
 Я вен не перережу!
 Во время, в продолжение, теперь
 Я прошлым не дышу и будущим не брежу.
 Приду и вброд, и вплавь
 К тебе - хоть обезглавь! -
 С цепями на ногах и с гирями по пуду.
 Ты только по ошибке не заставь,
 Чтоб после "я люблю" добавил я, что "буду".
 Есть горечь в этом "буду", как ни странно,
 Подделанная подпись, червоточина
 И лаз для отступленья, про запас,
 Бесцветный яд на самом дне стакана.
 И словно настоящему пощечина -
 Сомненье в том, что "я люблю" - сейчас.
 Смотрю французский сон
 С обилием времен,
 Где в будущем - не так, и в прошлом - по-другому.
 К позорному столбу я пригвожден,
 К барьеру вызван я языковому.
 Ах, разность в языках!
 Не положение - крах.
 Но выход мы вдвоем поищем и обрящем.
 Люблю тебя и в сложных временах -
 И в будущем, и в прошлом настоящем!..

Она была в Париже

Наверно, я погиб: глаза закрою - вижу.
 Наверно, я погиб: робею, а потом -
 Куда мне до нее - она была в Париже,
 И я вчера узнал - не только в нем одном!
 Какие песни пел я ей про Север дальний! -
 Я думал: вот чуть-чуть - и будем мы на ты, -
 Но я напрасно пел о полосе нейтральной -

Ей глубоко плевать, какие там цветы.
 Я спел тогда еще - я думал, это ближе -
 "Про счетчик", "Про того, кто раньше с нею был"...
 Но что ей до меня - она была в Париже, -
 Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!
 Я бросил свой завод, хоть, в общем, был не вправе, -
 Засел за словари на совесть и на страх...
 Но что ей оттого - она уже в Варшаве, -
 Мы снова говорим на разных языках...
 Приедет - я скажу по-польски: "Прошу пани,
 Прими таким, как есть, не буду больше петь..."
 Но что ей до меня - она уже в Иране, -
 Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!
 Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, -
 Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
 Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, -
 Пусть пробуют они - я лучше пережду!

***

День-деньской я с тобой, за тобой,
 Будто только одна забота,
 Будто выследил главное что-то -
 То, что снимет тоску как рукой.
 Это глупо - ведь кто я такой?
 Ждать меня - никакого резона,
 Тебе нужен другой и покой,
 А со мной - беспокойно, бессонно.
 Сколько лет ходу нет - в чем секрет?
 Может, я невезучий? Не знаю!
 Как бродяга, гуляю по маю,
 И прохода мне нет от примет.
 Может быть, наложили запрет?
 Я на каждом шагу спотыкаюсь:
 Видно, сколько шагов - столько бед.
 Вот узнаю, в чем дело, - покаюсь.

Денис Давыдов

***

Я не ропщу. Я вознесен судьбою
 Превыше всех! - Я счастлив! Я любим!
 Приветливость даруется тобою
 Соперникам моим...
 Но теплота души, но все, что так люблю я
 С тобой наедине...
 Но девственность живого поцелуя...
 Не им, а мне!

Гусар

Напрасно думаете вы,
 Чтобы гусар, питомец славы,
 Любил лишь только бой кровавый
 И был отступником любви.
 Амур не вечно пастушком
 В свирель без умолка играет:
 Он часто, скучив посошком,
 С гусарской саблей гуляет;
 Он часто храбрости огонь
 Любовным пламенем питает -
 И тем милей бывает он!
 Он часто с грозным барабаном
 Мешает звук любовных слов;
 Он так и нам под доломаном
 Вселяет зверство и любовь.
 В нас сердце не всегда желает
 Услышать стон, увидеть бой, -
 Ах, часто и гусар вздыхает,
 И в кивере его весной
 Голубка гнездышко свивает...

На голос русской песни

Я люблю тебя, без ума люблю!
 О тебе одной думы думаю,
 При тебе одной сердце чувствую,
 Моя милая, моя душечка.
 Ты взгляни, молю, на тоску мою
 И улыбкою, взглядом ласковым
 Успокой меня, беспокойного,
 Осчастливь меня, несчастливого.
 Если жребий мой умереть тоской, -
 Я умру, любовь проклиная,
 Но и в смертный час воздыхая
 О тебе, мой друг, моя душечка!

Романс

Не пробуждай, не пробуждай
 Моих безумств и исступлений,
 И мимолетных сновидений
 Не возвращай, не возвращай!
 Не повторяй мне имя той,
 Которой память - мука жизни,
 Как на чужбине песнь отчизны
 Изгнаннику земли родной.
 Не воскрешай, не воскрешай
 Меня забывшие напасти,
 Дай отдохнуть тревогам страсти
 И ран живых не раздражай.
 Иль нет! Сорви покров долой!..
 Мне легче горя своеволье,
 Чем ложное холоднокровье,
 Чем мой обманчивый покой.

Решительный вечер

Сегодня вечером увижусь я с тобою,
 Сегодня вечером решится жребий мой,
 Сегодня получу желаемое мною —
 Иль абшид⁵² на покой!
 А завтра — чёрт возьми! — как зюзя натянуся,
 На тройке ухарской стрелою полечу;
 Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
 И пьяный в Петербург на пьянство прискачу!
 Но если счастье назначено судьбою
 Тому, кто целый век со счастьем незнаком,
 Тогда... о, и тогда напьюсь свинья свиньёю
 И с радости пропью прогоны с кошельком!

---

⁵² Нем. отставка

М. Ю. Лермонтов

***

Как небеса твой взор блистает
 Эмалью голубой,
 Как поцелуй звучит и тает
 Твой голос молодой;
 За звук один волшебной речи,
 За твой единый взгляд,
 Я рад отдать красавца сечи,
 Грузинский мой булат;
 И он порою сладко блещет,
 И сладостней звучит,
 При звуке том душа трепещет,
 И в сердце кровь кипит.
 Но жизнью бранной и мятежной
 Не тешусь я с тех пор,
 Как услышал твой голос нежный
 И встретил милый взор.

***

Послушай, быть может, когда мы покинем
 Навек этот мир, где душою так стынем,
 Быть может в стране, где не знают обману,
 Ты ангелом будешь, я демоном стану! -
 Клянися тогда позабыть, дорогая,
 Для прежнего друга все счастье рая!
 Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
 Тебе будет раем, а ты мне - вселенной!

Любовь мертвеца

Пускай холодною землею
 Засыпан я,
 О друг! всегда, везде с тобою
 Душа моя.
 Любви безумного томленья,
 Жилец могил,
 В стране покоя и забвенья
 Я не забыл.
 Без страха в час последней муки
 Покинув свет,
 Отрады ждал я от разлуки -
 Разлуки нет.
 Я видел прелесть бестелесных,
 И тосковал,
 Что образ твой в чертах небесных
 Не узнавал.
 Что мне сиянье божьей власти
 И рай святой?
 Я перенес земные страсти
 Туда с собой.
 Ласкаю я мечту родную
 Везде одну;
 Желаю, плачу и ревную
 Как встарину.
 Коснется ль чуждое дыханье
 Твоих ланит,
 Моя душа в немом страданье
 Вся задрожит.
 Случится ль, шепчешь засыпая
 Ты о другом,
 Твои слова текут пылая
 По мне огнем.
 Ты не должна любить другога,

Нет, не должна,
 Ты мертвецу, святыней слова,
 Обручена.
 Увы, твой страх, твои моления
 К чему оне?
 Ты знаешь, мира и забвенья
 Не надо мне!

***

Я не люблю тебя; страстей
 И мук умчался прежний сон;
 Но образ твой в душе моей
 Все жив, хотя бессилен он;
 Другим предавшись мечтам,
 Я все забыть его не мог; -
 Так храм оставленный - все храм,
 Кумир поверженный - все бог!

***

Я не для ангелов и рая
 Всесильным богом сотворен;
 Но для чего живу страдаю,
 Про это больше знает он. -
 Как демон мой, я зла избранник,
 Как демон, с гордою душой,
 Я меж людей беспечный странник,
 Для мира и небес чужой;
 Прочти, мою с его судьбою
 Воспоминанием сравни,
 И верь безжалостной душою,
 Что мы на свете с ним одни.

***

Ты помнишь ли, как мы с тобою
 Прощались поздно порою?

Вечерний выстрел загремел,
 И мы с волнением внимали...
 Тогда лучи уж догорали,
 И на море туман густел;
 Удар с усилием промчался
 И вдруг за бездною скончался.
 Окончив труд дневных работ,
 Я часто о тебе мечтаю,
 Бродя вблизи пустынных вод,
 Вечерним выстрелам внимаю.
 И между тем как чередой
 Глушит волнами их седыми,
 Я плачу, я томим тоской,
 Я умереть желаю с ними...

Узник

Отворите мне темницу,
 Дайте мне сиянье дня,
 Черноглазую девицу,
 Черногривого коня!
 Я красавицу младую
 Прежде сладко поцелую,
 На коня потом вскочу,
 В степь, как ветер, улечу.
 Но окно тюрьмы высоко,
 Дверь тяжелая с замком;
 Черноокая далеко
 В пышном тереме своем;
 Добрый конь в зеленом поле
 Без узды, один, по воле
 Скачет весел и игрив,
 Хвост по ветру распустил...
 Одинок я - нет отрады:
 Стены голые кругом,
 Тускло светит луч лампы
 Умирающим огнем;

Только слышно: - за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

***

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная иль стройный гибкий стан
Или большие очи? - но порой
Все это не зовем мы красотой:
Уста без слов - любить никто не мог;
Взор без огня - без запаха цветов! -
О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!... я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегаящих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам её,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых все блаженство - яд!

Анна Ахматова

***

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим - это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.
Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, Господи, пела,
Для того ль причастилась любви!
Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой

***

Любовь покоряет обманно,
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.
И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.
Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы,
Осенние травы.

***

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь - уходи.
Много счастья уготовано

Тем, кто волен на пути.
 Я не плачу, я не жалуясь,
 Мне счастливой не бывать.
 Не целуй меня, усталую, -
 Смерть придет поцеловать.
 Дни томлений острых прожиты
 Вместе с белою зимой.
 Отчего же, отчего же ты
 Лучше, чем избранник мой?

Любовь

То змейкой, свернувшись клубком,
 У самого сердца колдует,
 То целые дни голубком
 На белом окошке воркует,
 То в инее ярком блеснет,
 Почудится в дреме левкоя...
 Но верно и тайно ведет
 От радости и от покоя.
 Умеет так сладко рыдать
 В молитве тоскующей скрипки,
 И страшно ее угадать
 В еще незнакомой улыбке.

***

Я не любви твой прошу.
 Она теперь в надежном месте...
 Поверь, что я твоей невесте
 Ревнивых писем не пишу.
 Но мудрые прими советы:
 Дай ей читать мои стихи,
 Дай ей хранить мои портреты -
 Ведь так любезны женихи!
 А этим дурочкам нужней
 Сознание полное победы,

Чем дружбы светлые беседы
 И память первых нежных дней...
 Когда же счастья гроши
 Ты проживешь с подругой милой
 И для пресыщенной души
 Все станет сразу так постыло -
 В мою торжественную ночь
 Не приходи. Тебя не знаю.
 И чем могла б тебе помочь?
 От счастья я не исцеляю.

Смятение

Было душно от жгучего света,
 А взгляды его - как лучи.
 Я только вздрогнула: этот
 Может меня приручить.
 Наклонился - он что-то скажет...
 От лица отхлынула кровь.
 Пусть камнем надгробным ляжет
 На жизни моей любовь.
 Не любишь, не хочешь смотреть?
 О, как ты красив, проклятый!
 И я не могу взлететь,
 А с детства была крылатой.
 Мне очи застит туман,
 Сливаются вещи и лица,
 И только красный тюльпан,
 Тюльпан у тебя в петлице.
 Как велит простая учтивость,
 Подошел ко мне, улыбнулся,
 Полуласково, полулениво
 Поцелуем руки коснулся -
 И загадочных древних ликов
 На меня поглядели очи...
 Десять лет замираний и криков,

Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слов
И сказала его - напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

***

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные
Несытые взгляды твои!

А. С. ПУШКИН

***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твой небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

***

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

***

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва⁵³ предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит - оттого,
Что не любить оно не может.

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви! прощай: она велела...
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают - легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленья,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

⁵³ Горная река на Кавказе
310

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный -
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры⁵⁴,
Звездой севера явись!
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела -
А нынче... погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

⁵⁴ Богиня зари

Паж⁵⁵, или Пятнадцатый год

Пятнадцать лет мне скоро минет;
 Дождусь ли радостного дня?
 Как он вперед меня подвинет!
 Но и теперь никто не кинет
 С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик - уж над губой
 Могу свой ус я защипнуть;
 Я важен, как старик беззубый;
 Вы слышите мой голос грубый,
 Попробуй кто меня толкнуть.

Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
 И между ими есть одна...
 И гордый взор ее так томен,
 И цвет ланит ее так тѣмен,
 Что жизни мне милей она.

Она строга, властолюбива,
 Я сам дивлюсь ее уму -
 И ужас как она ревнива;
 Зато со всеми горделива
 И мне доступна одному.
 Вечор она мне величаво
 Клялась, что если буду вновь
 Глядеть налево и направо,
 То даст она мне яду;- право -
 Вот какова ее любовь!
 Она готова хоть в пустыню

⁵⁵ мальчик из дворянской семьи служащий в качестве слуги у знатной особы

Бежать со мной, презрев молву.
 Хотите знать мою богиню,
 Мою севильскую графиню?..
 Нет! ни за что не назову!

***

Пред испанкой благородной
 Двое рыцарей стоят.
 Оба смело и свободно
 В очи прямо ей глядят.
 Блещут оба красотою,
 Оба сердцем горячи,
 Оба мощною рукою
 Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
 И, как слава, им мила;
 Но один ей мил - кого же
 Дева сердцем избрала?
 "Кто, реши, любим тобою?"-
 Оба деве говорят
 И с надеждой молодою
 В очи прямо ей глядят.

К***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
 Волнениям любви безумно предаваться;
 Спокойствие мое я строго берегу
 И сердцу не даю пылать и забываться;
 Нет, полно мне любить; но почему ж порой
 Не погружуся я в минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдет передо мной
 Младое, чистое, небесное созданье,

Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
 Любуясь девою в печальном сладострастье,
 Глазами следовать за ней и в тишине
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцем ей желать все блага жизни сей,
 Веселый мир души, беспечные досуги,
 Всё - даже счастье того, кто избран ей,
 Кто милой деве даст название супруги.
 1832

Красавица

Всё в ней гармония, всё диво,
 Всё выше мира и страстей;
 Она покоится стыдливо
 В красе торжественной своей;
 Она кругом себя взирает:
 Ей нет соперниц, нет подруг;
 Красавиц наших бледный круг
 В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
 Хоть на любовное свиданье,
 Какое б в сердце ни питал
 Ты сокровенное мечтанье,-
 Но встретишь с ней, смущенный, ты
 Вдруг остановишься невольно,
 Благоговей богомольно
 Перед святыней красоты.

Признание

Я вас люблю, хоть и бешусь,
 Хоть это труд и стыд напрасный,
 И в этой глупости несчастной

У ваших ног я признаюсь!
 Мне не к лицу и не по летам...
 Пора, пора мне быть умней!
 Но узнаю по всем приметам
 Болезнь любви в душе моей:
 Без вас мне скучно,- я зеваю;
 При вас мне грустно,- я терплю;
 И, мочи нет, сказать желаю,
 Мой ангел, как я вас люблю!
 Когда я слышу из гостиной
 Ваш легкий шаг, иль платья сум,
 Иль голос девственный, невинный,
 Я вдруг теряю весь свой ум.
 Вы улыбнетесь - мне отрада;
 Вы отвернетесь - мне тоска;
 За день мучения - награда
 Мне ваша бледная рука.
 Когда за пальцами прилежно
 Сидите вы, склонясь небрежно,
 Глаза и кудри опустя,-
 Я в умиленьи, молча, нежно
 Любуюсь вами, как дитя!..
 Сказать ли вам мое несчастье,
 Мою ревнивую печаль,
 Когда гулять, порой в ненастье,
 Вы собираетесь в даль?
 И ваши слезы в одиночку,
 И речи в уголку вдвоем,
 И путешествия в Опочку,
 И фортепьяно вечерком?..
 Алина! сжальтесь надо мною.
 Не смею требовать любви.
 Быть может, за грехи мои,
 Мой ангел, я любви не стою!
 Но притворитесь! Этот взгляд

Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!...
Я сам обманываться рад!

Ее глаза

Она мила - скажу меж нами -
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля⁵⁶ -
В них скромных граций торжество;
Поднимет - ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Рассудок и любовь

Младой Дафнис⁵⁷, гоняясь за Доридой,⁵⁸
"Постой, - кричал, - прелестная! постой,
Скажи: "Люблю" - и бегать за тобой
Не стану я - клянуся в том Кипридой!"
"Молчи, молчи!" - Рассудок говорил,
А плут Эрот: "Скажи: "ты сердцу мил!"
"Ты сердцу мил!" - пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,

⁵⁶ Славянское божество любви и/или брака.

⁵⁷ В древнегреческой мифологии прекрасный юноша.

⁵⁸ Океанида.

И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
"Беги, беги!" - Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: "Останься!" - говорил.
Осталась - и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
"Взгляни, - сказал, - с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!"
"Беги! беги!" - Рассудок повторил,
"Учись от них!" - Эрот ей говорил.
И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
"Будь счастлива!" - Эрот⁵⁹ ей прошептал.
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

***

Как сладостно!.. но, боги, как опасно
Тебе внимать, твой видеть милый взор!..
Забуду ли улыбку, взор прекрасный
И огненный, волшебный разговор!
Волшебница, зачем тебя я видел —
Узнав тебя, блаженство я познал —
И счастье мое возненавидел.

Гречанке

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной...

⁵⁹ В древнегреческой мифологии — божество любви

Ты рождена для неги томной,
 Для упоения страстей.
 Скажи - когда певец Леилы
 В мечтах небесных рисовал
 Свой неизменный идеал,
 Уж не тебя ль изображал
 Поэт мучительный и милый?
 Быть может, в дальней стороне,
 Под небом Греции священной,
 Тебя страдалец вдохновенный
 Узнал, иль видел, как во сне,
 И скрылся образ незабвенный
 В его сердечной глубине?
 Быть может, лирою счастливой
 Тебя волшебник искушал;
 Невольный трепет возникал
 В твоей груди самолюбивой,
 И ты, склонись к его плечу...
 Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
 Питать я пламя не хочу:
 Мне долго счастье чуждо было,
 Мне ново наслаждаться им,
 И, тайной грустию томим,
 Боюсь: неверно всё, что мило.

Андрей Вознесенский

Сага

*Ты меня на рассвете разбудишь,
 проводить необутая выйдешь.
 Ты меня никогда не забудешь.
 Ты меня никогда не увидишь.
 Заслонивши тебя от простуды,
 я подумаю: "Боже всевышний!
 Я тебя никогда не забуду.
 Я тебя никогда не увижу".
 Эту воду в мурашках запруды,
 это Адмиралтейство и Биржу
 я уже никогда не забуду
 и уже никогда не увижу.
 Не мигают, слезятся от ветра
 безнадежные карие вишни.
 Возвращаться — плохая примета.
 Я тебя никогда не увижу.
 Даже если на землю вернемся
 мы вторично, согласно Гафизу,⁶⁰
 мы, конечно, с тобой разминемся.
 Я тебя никогда не увижу.
 И окажется так минимальным
 наше непониманье с тобою
 перед будущим непониманьем
 двух живых с пустотой неживою.
 И качнется бессмысленной высью
 пара фраз, залетевших отсюда:
 "Я тебя никогда не забуду.
 Я тебя никогда не увижу".*

⁶⁰ Персидский поэт

***

В человеческом организме
девяносто процентов воды,
как, наверное, в Паганини,
девяносто процентов любви.
Даже если - как исключение -
вас растаптывает толпа,
в человеческом назначении -
девяносто процентов добра.
Девяносто процентов музыки,
даже если она беда,
так во мне, несмотря на мусор,
девяносто процентов тебя.

Роберт Рождественский

***

За тобой
через года
иду,
не колеблясь.
Если ты —
провода,
я —
троллейбус.
Ухвачусь за провода
руками долгими,
буду жить
всегда-всегда
твоими токами.
Слышу я:
«Откажись!
Пойми
разумом:
неужели это жизнь —
быть привязанным?!
Неужели в этом есть
своя логика?!
Ой, гляди —
надоест!
Будет плохо».
Ладно!
Пусть свое
гнут —
врут расцвеченно.
С ними я
на пять минут,
с тобой —
вечно!

Ты —
 мой ветер и цепи,
 сила и слабость.
 Мне в тебе,
 будто в церкви,
 страшно и сладко.
 Ты —
 неоткрытые моря,
 мысли тайные.
 Ты —
 дорога моя,
 давняя,
 дальняя.
 Вдруг —
 ведешь меня
 в леса!
 Вдруг —
 в Сахары!
 Вот бросаешь,
 тряся,
 на ухабы!
 Как ребенок, смешишь.
 Злишь, как пытка...
 Интересно мне
 жить.
 Любопытно!

Николай Гумилев

Отравленный

«Ты совсем, ты совсем снеговая,
 Как ты странно и страшно бледна!
 Почему ты дрожишь, подавая
 Мне стакан золотого вина?»
 Отвернулась печальной и гибкой...
 Что я знаю, то знаю давно,
 Но я выпью, и выпью с улыбкой
 Все налитое ею вино.
 А потом, когда свечи потушат
 И кошмары придут на постель,
 Те кошмары, что медленно душат,
 Я смертельный почувствую хмель...
 И приду к ней, скажу: «Дорогая,
 Видел я удивительный сон.
 Ах, мне снилась равнина без края
 И совсем золотой небосклон.
 Знай, я больше не буду жестоким,
 Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
 Я уеду далеким, далеким,
 Я не буду печальным и злым.
 Мне из рая, прохладного рая,
 Видны белые отсветы дня...
 И мне сладко — не плачь, дорогая,—
 Знать, что ты отравила меня».

«Все мгновенно, все пройдет; что пройдет, то будет
МИЛО...»

Мой сборник посвящен широкой, но очень яркой и контрастной теме «Грусть и радость в нашей жизни». Цель его создания такова: показать, что у каждого человека свои проблемы и свои радости и что они часто сменяют друг друга. Во время составления данного сборника больше всего меня удивило то, что стихотворений на тему грусти и печали гораздо больше, чем на тему радости и счастья. Мне слабо верится, что у известных поэтов, кроме грусти, нет тем для написания стихотворений. Хотя с какой-то стороны я их понимаю, ведь про радость писать гораздо тяжелее...

Во время подборки стихотворений я открыл для себя много интересных поэтов и познакомился с удивительными темами и необычными приемами, в частности яркой иллюстрацией этого является стихотворение «Я счастлив» Владимира Маяковского.

В сборник вошли стихотворения А.С.Пушкина, А.А.Вознесенского, А.И.Одоевского, В.В.Маяковского, А. Н. Толстого, А.А.Фета, В.С. Высоцкого, А.А. Ахматовой, Н.А.Некрасова, А.А. Блока. М.Ю.Лермонтова, Иосифа Бродского, Ф.И.Тютчева.

Владимир Шульгин

*«Все мгновенно, все пройдет; что пройдет,
то будет мило...»*

Поэтический сборник

Составитель Владимир Шульгин

Андрей Андреевич Вознесенский

***

В человеческом организме
Девяносто процентов воды,
Как, наверное, в Паганини,
Девяносто процентов любви.

Даже если - как исключение -
Вас растаптывает толпа,
В человеческом назначении -
Девяносто процентов добра.

Девяносто процентов музыки,
Даже если она беда,
Так во мне, несмотря на мусор,
Девяносто процентов тебя.

Тишины!

Тишины хочу, тишины...
Нервы, что ли, обожжены?
Тишины...
чтобы тень от сосны,
щекоча нас, перемещалась,
холодящая словно шалость,
вдоль спины, до мизинца ступни,
тишины...

звуки будто отключены.
Чем назвать твои брови с отливом?
Понимание -
молчаливо.
Тишины.

Звук запаздывает за светом.
Слишком часто мы рты разеваем.
Настоящее - неназываемо.
Надо жить ощущением, цветом.

Кожа тоже ведь человек,
с впечатленьями, голосами.
Для нее музыкально касанье,
как для слуха - поет соловей.

Как живется вам там, болтуны,
чай, опять кулуарный авралец?
горлопаны не наорались?
тишины...
Мы в другое погружены.
В ход природ неисповедимый,
И по едкому запаху дыма
Мы пойдем, что идут чабаны.

Значит, вечер. Вскипают приварок.
Они курят, как тени тихи.
И из псов, как из зажигалок,
Светят тихие языки.
1964

А.С.Пушкин

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Пирующие студенты

Друзья! досужный час настал;
Всё тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино золотое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным — он нальет
И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!

Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!

Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
Бутыль вином налита,
За здравье нашей музыки пей,
Парнасский волокита.
Остряк любезный, по рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пенный стакан,
На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —

И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев,—
Рассудок! бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здоровье Платова,
В казачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..
Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли?— это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?.. я вижу всё вдвоем;

Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

1814

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

А.И.Одоевский

* * *

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Конец 1828 или начало 1829

В.Маяковский

Я счастлив!

Граждане,
у меня
огромная радость.

Разулыбьте
сочувственные лица.

Мне
обязательно
поделиться надо,

стихами
хотя бы
поделиться,

Я
сегодня
дышу как слон,

походка
моя
легка,

и ночь
пронеслась,
как чудесный сон,

без единого
кашля и плевка.

Неизмеримо
выросли
удовольствий дозы.

Дни осени -
баней воняют,

а мне
цветут,
извините,-

розы,
и я их,
представьте,
обоняю.
И мысли
и рифмы
покрасивели
и особенные,
аж вытаращит
глаза
редактор.
Стал вынослив
и работоспособен,
как лошадь
или даже -
трактор.
Бюджет
и желудок
абсолютно превосходен,
укреплен
и приведен в равновесие.
Стопроцентная
экономия
на основном расходе -
и поздоровел
и прибавил в весе я.
Как будто
на язык
за кусом кус
кладут
воздушнейшие торта -
такой
установился
феерический вкус
в благоуханных

апартаментах
рта.
Голова
снаружи
всегда чиста,
а теперь
чиста и изнутри.
В день
придумывает
не меньше листа,
хоть Толстому
ноздрю утри.
Женщины
окружили,
платья испестря,
все
спрашивают
имя и отчество,
я стал
определенный
весельчак и остряк -
ну просто -
душа общества.
Я
порозовел
и пополнел в лице,
забыл
и гриппы
и кровать.
Граждане,
вас
интересует рецепт?
Открыть?
или...
не открывать?

Граждане,
    вы
        утомились от жданья,
готовы
    корить и крыть.
Не волнуйтесь,
    сообщаю:
        граждане -
            я
сегодня -
    бросил курить.

1929

Алексей Толстой

* * *

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

Афанасий Фет

* * *

Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Всё ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

Ручьи, журча и извиваясь
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды
С веселым грохотом летят.

А там по нивам на просторе
Река раскинулась как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

<1859>

Владимир Высоцкий

Я не люблю...

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.

Я не люблю открытого цинизма,
В восторженность не верю, и еще -
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда - наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или - когда все время против шерсти,
Или - когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой, -
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, что слово "честь" забыто
И что в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья -
Нет жалости во мне, и неспроста:
Я не люблю насилие и бессилье, -
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя когда я трушу,
Обидно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более - когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю,
Пусть впереди большие перемены -
Я это никогда не полюблю!

1968

А.Блок

* * *

Ночь - как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День - как день; ведь решена задача:
Все умрут

4 ноября 1908

Анна Ахматова

Бессонница

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белою завершены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?
1912

***

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, -

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.
(1911)

Николай Алексеевич Некрасов

* * *

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу - день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытав ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! -
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем - бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаясь за нож - замирает рука!

Июнь 1845

М. Ю.Лермонтов

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию на зло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан? -
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

1832 год

Федор Тютчев

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать -
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866

Иосиф Бродский

Топилась печь. Огонь дрожал во тьме.
Древесные угли чуть-чуть искрились.
Но мысли о зиме, о всей зиме,
каким-то странным образом роились.
Какой печалью нужно обладать,
чтоб вместо парка, что за три квартала,
пейзаж неясный долго вспоминать,
но знать, что больше нет его; не стало.
Да, понимать, что все пришло к концу
тому назад едва ль не за два века, --
но мыслями блуждать в ночном лесу
и все не слышать стука дровосека.
Стоят стволы, стоят кусты в ночи.
Вдали холмы лежат во тьме угрюмо.
Луна горит, как весь огонь в печи,
и жжет стволы. Но только нет в ней шума.

Ноябрь 1962

«Но знаю я, что лживо, а что свято...»

«Но знаю я, что лживо, а что свято...»

Поэтический сборник

У каждого из нас разные ценности, и что для одного может быть великой ценностью, для другого может быть пустяком. Например, для Анны Андреевны Ахматовой (стихотворение «NOX статуя «Ночь» в Летнем саду») ценностью является статуя, Ахматова выражает в стихотворении свое беспокойство за статую и заботу о ней. Для нее статуя становится чем-то большим, чем просто скульптура, ведь идет война и статуе грозит уничтожение. Анна Андреевна находилась тогда в эвакуации в Ташкенте, и она скучает по статуе.

Люди очень часто не замечают ценности и просто бросаются ими, и только потеряв их, осознают, насколько они важны. Часто поэты пытаются донести до нас, что нужно беречь эти ценности.

Даниил Якимов

Составитель Даниил Якимов

Роберт Рождественский**Друг**

Мы цапаемся жестоко,
мы яростно молчим.
Порою -
    из пижонства,
порою -
    без причин.
На клятвы в дружбе крупные
глядим, как на чуму.
Завидуем друг другу мы,
не знаю почему...
Взираем незнакомо
с придуманных высот,
считая,
    что другому
отчаянно везёт.
Ошибок не прощаем,
себя во всём виним.
Звонить не обещаем.
И всё ж таки звоним!

Бывает:
в полдень хрупкий
мне злость моя нужна.
Я поднимаю трубку:
"Ты дома,
    старина?..."
Он отвечает:
«Дома...
Спасибо - рад бы...
Но..."
И продолжает томно,
и вяло,
и темно:

346

"Дела...
    Прости...
                    Жму руку..."

А я молчу, взбешён.
Потом швыряю трубку
и говорю:
"Пижон!!"

Но будоражит в полночь
звонок из темноты...
А я обиду помню.
Я спрашиваю:
"Ты?"
И отвечаю вяло.
Уныло.
Свысока.
И тут же оловянно
бубню ему:
"Пока..."
Так мы живём и можем,
ругаемся зазря.
И лоб в раздумьях морщим,
тоскуя и остря.
Пусть это всё мальчишеством
иные назовут...

Листы бумаги
чистыми
четвертый день живут, -
боюсь я слов истёртых,
как в булочной ножи...
Я знаю:
он прочтет их
и не простит мне

лжи!

347

Другу, которому я не успел написать

Есть на свете
такие парни -
дышит громко,
смеется громко,
любит громко
и шепчет
громко!
Есть на свете такие парни...
Есть на свете
такие, парни!
К жизни
он припадает губами,
Пьет ее.
И напиться не хочет...

И когда -
такие! -
уходят
вдруг,
на взлете,
на взмахе,
на вздохе,-
как земля в сентябре,
обильны, -
ничего не чувствуешь.
Только
жжет обида.
Одна обида.
На кого - не знаю.
Обида.
И гадать не хочу.
Обида.

Есть на свете

такие парни.
Все для жизни в них -
не для памяти!
Память, в общем-то,
по иронии -
вещь
достаточно односторонняя.
И бубнить про нее округло
в данном случае
слишком глупо,
слишком горько
и бесполезно...

Мы -
живые.
Мы -
из железа.
Пусть намеком
пустые урны
крематорий
держит за пазухой.
Вновь меня.
заполняет утро,
как улыбка
Женьки Урбанского.

Александр Блок

Друзьям

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля - так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достоянием доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забиться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

***

О, весна без конца и без краю -
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха - позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога -
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами - хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель - я знаю -
Все равно: принимаю тебя!

***

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее - увековечить,
Безличное - вочеловечить,
Несбывшееся - воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,-
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство - разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь - дитя добра и света,
Он весь - свободы торжество!

***

И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.
Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово

Анна Ахматова
Нох: Статуя «Ночь» в Летнем саду

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой.
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши⁶¹,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

30 мая 1942, Ташкент

⁶¹ Дионисовы чаши - чаши из которых пьют вино.

Владимир Высоцкий
(1938-1980)

***

Мой черный человек в костюме сером!..
Он был министром, домуправом, офицером,
Как злобный клоун он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: "Спасибо, что живой".

Я суеверен был, искал приметы,
Что мол, пройдет, терпи, все ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: "Больше - никогда!"

Вокруг меня кликуши голосили:
"В Париж мотает, словно мы в Тюмень,-
Пора такого выгнать из России!
Давно пора,- видать, начальству лень".

Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег прорва, по ночам кую.
Я все отдам - берите без доплаты
Трехкомнатную камеру мою.

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья - известные поэты:
Не стоит рифмовать "кричу - торчу".

И лопнула во мне терпенья жила -
И я со смертью перешел на ты,

Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

Я от суда скрываться не намерен:
Коль призовут - отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз.

Но знаю я, что лживо, а что свято,-
Я это понял все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята,-
Мне выбора, по счастью, не дано.

1979

***

Подумаешь - с женой не очень ладно.
 Подумаешь - неважно с головой.
 Подумаешь - ограбили в парадном.
 Скажи еще спасибо, что живой.

Ну что ж такого - мучает саркома⁶².
 Ну что ж такого - начался запой.
 Ну что ж такого - выгнали из дома.
 Скажи еще спасибо, что живой.

Плевать - партнер по покеру дал дуба.
 Плевать, что снится ночью домовой.
 Плевать - соседи выбили два зуба.
 Скажи еще спасибо, что живой.

Да ладно - ну, уснул вчера в опилках.
 Да ладно - в челюсть врезали ногой.
 Да ладно - потащили на носилках.
 Скажи еще спасибо, что живой.

Да, правда - тот, кто хочет, тот и может.
 Да, правда - сам виновен, бог со мной!
 Да, правда. Но одно меня тревожит -
 Кому сказать спасибо, что живой?

1969

Песня о друге

Если друг оказался вдруг
 И не друг, и не враг, а - так,
 Если сразу не разберешь,
 Плох он или хорош,-
 Парня в горы тяни - рискни!
 Не бросай одного его,
 Пусть он в связке в одной с тобой -
 Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах - не ах,
 Если сразу раскис и - вниз,
 Шаг ступил на ледник и - сник,
 Оступился - и в крик,-
 Значит, рядом с тобой - чужой,
 Ты его не брани - гони:
 Вверх таких не берут, и тут
 Про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл,
 Пусть он хмур был и зол, но - шел,
 А когда ты упал со скал,
 Он стонал, но - держал,
 Если шел за тобой, как в бой,
 На вершине стоял хмельной,-
 Значит, как на себя самого,
 Положись на него.

⁶² Саркома - Злокачественная опухоль, развивающаяся из элементов соединительной ткани.

Евгений Евтушенко
(род. 1933)

Какая чертовая сила,
какая чертовая страсть
меня вела и возносила
и не давала мне упасть?

И отчего во мне не стихнула,
и отчего во мне не сгнула
моя веселая настыринка,
моя веселая несгибинка?

А оттого, что я рожден
в стране, для хлипких непригодной,
и от рожденья награжден
ее людьми, ее природой.

В России вся моя родня,
и нет, наверно, избы в ней,
где бы не приняли меня
с участием, с лаской неизбывной.

Я счастлив долею почетной,
моей спасительной ладанкой,
что на Печоре я - печорский,
а на Ладоге я - ладожский.

И пусть я, птица перелётная,
мечусь по всей России, мучаясь, —
всегда Россия перельёт в меня
свою спокойную могучесть.

Я столько должен по счетам
её страданиям и победам
и всем своим учителям —

рабочим, пахарям, поэтам.

Но пусть сегодня я в долгу, —
когда-нибудь в цвету и силе
и я России помогу,

как помогала мне Россия.

**Иосиф Бродский
(1940-1996)**

***

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду.
между выцветших линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет над мостами
в петроградском дыму,
и апрельская морось,
над затылком снежок,
и услышу я голос:
- До свиданья, дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой.
- словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

**Андрей Вознесенский
(1933-2010)**

Тишины!

Тишины хочу, тишины...
Нервы, что ли, обожжены?
Тишины...

чтобы тень от сосны,
щекоча нас, перемещалась,
холодящая словно шалость,
вдоль спины, до мизинца ступни,
тишины...

звуки будто отключены.
Чем назвать твои брови с отливом?
Понимание —
молчаливо.

Тишины.

Звук запаздывает за светом.
Слишком часто мы рты разеваем.
Настоящее – неназываемо.
Надо жить ощущением, цветом.

Кожа тоже ведь человек,
с впечатленьями, голосами.
Для нее музыкально касанье,
как для слуха – поет соловей.

Как живется вам там, болтуны,
чай, опять кулуарный авралец?
горлопаны не наорались?
тишины...

Мы в другое погружены.
В ход природ неисповедимый.
И по едкому запаху дыма
Мы поймем, что идут чабаны.

Значит, вечер. Вскипает приварок.
Они курят, как тени тихи.
И из псов, как из зажигалок,
Светят тихие языки.

Владимир Маяковский
(1893-1930)

Послушайте!

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают -
значит - это кому-нибудь нужно?
Значит - кто-то хочет, чтобы они были?
Значит - кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит -
чтоб обязательно была звезда! -
клянется -
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
"Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!"
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают -
значит - это кому-нибудь нужно?
Значит - это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!